

И.А. Антонова, В. М. Зубарь

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РИМСКОЙ ЦИТАДЕЛИ ХЕРСОНЕСА

Римские войска, дислоцировавшиеся в Херсонесе во второй половине II - третьей четверти III вв., занимали территорию так называемой цитадели, которая расположена в юго-восточной части городища. Здесь в течение первой половины нашего столетия были открыты различные постройки, связанные с пребыванием римских войск. В последние десятилетия широкомасштабные археологические исследования здесь проводились под руководством И.А. Антоновой, и был получен новый в высшей степени интересный материал, без которого изучение характера римского военного присутствия в Таврике на современном этапе уже невозможно. Этот материал, который впервые вводится в широкий научный оборот, наряду с эпиграфическими памятниками и иными категориями источников, позволит получить более полное представление о римском гарнизоне Херсонеса, который дислоцировался здесь на протяжении периода, охватывающего более ста лет, а ряде случаев и осветить эту проблему совершенно по-новому.

Предлагаемый вниманию читателей очерк является первым обобщающим исследованием, в котором в таком значительном объеме вводится в научный оборот комплекс материалов из раскопок так называемой цитадели Херсонеса под руководством И.А. Антоновой. Однако здесь основ-

ное внимание сосредоточено на археологических объектах первых веков, а памятники эпохи средневековья, которые повсеместно перекрывают строительные остатки римского времени, будут подробно рассмотрены в другой специальной работе.

История исследования цитадели Херсонеса может быть подразделена на три хронологических этапа. Первый охватывает время с 1897 до 1910 гг., когда раскопки здесь проводились К.К. Косцюшко-Валюжиничем и Р.Х. Лепером. Основное внимание исследователями в это время уделялось изучению оборонительных сооружений юго-восточного участка обороны Херсонеса.

В 1897 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич приступил к раскопкам восточной оборонительной стены цитадели - 20 куртины, и XVII башни. В ходе этих работ он исследовал пять разновременных оборонительных стен, каждая из которых была пристроена к наружной стороне предшествующей, и оборонительные башни. В 1901, 1905 - 1906 гг. он раскопал ограничивавшую цитадель с северо-запада 18 куртину, отделявшую цитадель от портового района города, а также на небольшом участке, протяженностью 20 м., восточную 21 куртину, находившиеся поблизости от нее термы и средневековый храм¹. К 1907 г. в основном были завершены раскопки по всему про-

тяжению юго-восточного сектора оборонительной линии Херсонеса². Наряду с оборонительными сооружениями, К.К. Косцюшко-Валюжинич исследовал внутреннюю площадь застройки цитадели, примыкавшую к 18, 19 и 21 куртинам, но отчета уже не успел написать, так как скончался в 1907 г. К сожалению, судя по имеющимся архивным материалам, ситуация у 18 куртины осталась ему не ясной. Здесь на плане раскопок видны лишь обрывки стен двух средневековых помещений, примыкавших к куртине, и более ранняя трехчастная прямоугольная пристройка, которая впоследствии была раскопана В.В. Борисовой. Неизвестна и глубина исследованной площади, однако можно предполагать, что в связи с намечавшимся здесь строительством нового здания музея, К.К. Косцюшко-Валюжиничем были вскрыты верхние слои на значительной площади северной половины цитадели.

Но вместе с этим общий характер юго-восточного участка обороны Херсонеса К.К. Косцюшко-Валюжиничем был детализирован и понят правильно. Он отметил многократность строительных работ и в ряде случаев определил верные даты строительства. Впервые в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинич привлек к датировке самого раннего ядра башни XVII амфорные клейма, обнаруженные в ходе раскопок керамической мастерской, которая была разрушена в ходе строительства этого оборонительного комплекса. Исследователь правильно определил функциональное назначение и дату стро-

ительства башни XX первых веков, хотя впоследствии эта дата была искажена и относилась учеными к раннему времени.

После смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича исследования на территории цитадели возобновились только в 1910 г. под руководством Р.Х. Лепера. Помимо работ в юго-восточном и северо-восточном районах Херсонесского городища и его некрополя, он провел масштабные раскопки башни XVII, 20 куртины с внутренней и наружной стороны³, а внутри цитадели продолжил работы по исследованию средневекового храма и площади к востоку от часовни у 19 куртины. К сожалению, Р.Х. Лепер, перегруженный большим объемом раскопочных работ и преподаванием в гимназии, не оставил отчетов о своих раскопках в Херсонесе, а его записи в дневниках маловразумительны. Поэтому о его работах в цитадели можно судить только по отредактированным и опубликованным К.Э. Гриневичем дневникам, где он частично, но не всегда верно, интерпретировал результаты раскопок Р.Х. Лепера⁴.

В целом, оценивая первый этап работ на территории цитадели Херсонеса, следует подчеркнуть, что за этот период был проведен огромный объем археологических работ: открыты с напольной и тыльной сторон, кроме 21 куртины, оборонительные стены и башни, а глубина раскопок на многих участках достигла 5-6 м. В результате этих раскопок были выявлены очертания цитадели, прослежены некоторые особенности оборонительного строительства, оп-

ределены даты и последовательность возведения куртин, а также башен. Основное внимание в это время уделялось оборонительным сооружениям, а работы внутри укреплений велись только с учетом предполагавшегося строительства здесь нового здания музея. Данные, полученные на этом этапе, в значительной степени были обесценены несовершенной методикой раскопок, фиксации строительных остатков и обработки археологического материала.

Начало нового этапа в исследовании цитадели связано с именем К.Э. Гриневича, который обратился к планомерному изучению оборонительных сооружений юго-восточного района Херсонеса. Он обобщил все известные к тому времени данные раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, Р.Х. Лепера и теоретические исследования А.Л. Бертье-Делагарда⁵. К.Э. Гриневич преследовал цель не только проанализировать конструкцию оборонительных сооружений, но и определить даты каждого строительного периода. Впервые была подвергнута обоснованной критике общая концепция оборонительного строительства в Херсонесе, предложенная А.Л. Бертье-Делагардом⁶.

К.Э. Гриневич, наряду с изучением оборонительных сооружений, поставил задачу исследовать внутреннюю застройку цитадели, уделив основное внимание изучению 19 куртины, вдоль которой и был выбран участок для раскопок. В 1926 г. его внимание было сосредоточено на участке к югу от часовни, раскопанной в 1907 г., где ранее работы не проводились. Исследователь впер-

вые выделил шесть разновременных строительных периодов, отражавших особенности застройки этого участка с III в. до н. э. до позднего средневековья. Но, к сожалению, работы велись на небольшой площади и, вскрыв сеть разновременных стен, не дали полного плана ни одной постройки⁷.

В 1928 г. раскопки проводились к северу от упомянутой часовни до калитки у XVI башни. Верхние слои здесь были удалены ранее, при раскопках К.К. Косцюшко-Валюжинича. К.Э. Гриневич раскопал большое здание, состоявшее из восьми одинаковых по размерам прямоугольных помещений, каждое из которых имело узкий коридор с восточной стороны. Исследователь интерпретировал этот комплекс как гимнасий позднеримского времени⁸. Несмотря на довольно значительный объем археологических работ, планиметрическая и стратиграфическая реконструкция всего участка, где раскопки велись три полевых сезона, не были сделаны. Например, неясным осталось, действовала ли калитка у XVI башни во время функционирования предполагаемого гимнасия, который впоследствии был интерпретирован как казармы римского гарнизона⁹. Только по редкой фотографии удалось определить, что калитка была засыпана и эта насыпь, сделанная для укрепления 19 куртины в связи с поднятием высоты последней, была удалена, что не отмечено К.Э. Гриневичем в отчете.

Несмотря на ошибки, ни в коем случае нельзя умалять заслуг К.Э. Гриневича в исследовании тако-

го сложного и недостаточно изученного памятника, которым в то время была цитадель Херсонеса. Он первый суммировал данные разновременных раскопок оборонительных сооружений юго-восточного участка обороны города, а также снабдил анализ всех памятников чертежами, планами, разрезами и фотографиями из раскопок разных лет¹⁰. Именно К.Э. Гриневич первым поставил задачу послойного вскрытия внутренней площади цитадели, определил стратиграфию напластований и, таким образом, выполнил по мере возможностей того времени стоявшую перед ним задачу.

После исследований К.Э. Гриневича раскопки цитадели надолго прекратились, что, с одной стороны, объясняется началом широкомасштабных работ в северном районе Херсонеса, который активно разрушался морем, а, с другой, - начавшейся вскоре Великой Отечественной войной. Работы были продолжены только в конце 50-х гг., когда Херсонесский музей получил значительные средства для срочной консервации крепостной ограды, в том числе и в юго-восточном районе городища. При подготовке к этим работам было проведено археологическое изучение ряда объектов, для чего была организована специальная экспедиция.

Отряд В.В. Борисовой, начавший работы у XVI башни в составе объединенной экспедиции, продолжал исследования этого района, и после окончания консервационных работ, что положило начало третьему этапу исследования цитадели. В результате этих работ к 1969 г. были откры-

ты два относительно крупных здания. Одно из них примыкало к 18 куртине, между башней XVI и калиткой в 18 куртине, и было частично перекрыто двумя утолщениями башни XVI. По мнению В.В. Борисовой, это здание было возведено во II в. и неоднократно перестраивалось за счет примыкающей улицы. Латинские клейма на черепице, остатки штукатурки и размеры постройки позволили исследовательнице интерпретировать это здание как дом, принадлежавший какому-то административному лицу расквартированного здесь римского гарнизона. Второе здание, также раскопанное В. В. Борисовой, находилось рядом с описанным, с южной стороны разделявшей их улицы, и состояло из шести различных по площади прямоугольных помещений, сообщавшихся между собой входами. Этот комплекс был интерпретирован В. В. Борисовой как казармы римского гарнизона¹¹. В 1968 - 1969 гг. работы были сосредоточены к юго-востоку от прежнего участка, на площади крупной постройки, частично вскрытой К.К. Косцюшко-Валюжиничем и Р.Х. Лепером. Но В.В. Борисовой были исследованы лишь верхние слои северной части здания¹², поэтому она и не интерпретировала раскопанный объект.

С 1970 г. раскопки в цитадели проводились систематически, хотя и не ежегодно, отрядом под руководством И.А. Антоновой. Первоначально работы были сосредоточены на изучении оборонительных сооружений, но наряду с этим было начато исследование терм первых веков н.э.

у башни XIX. С 1983 г. раскопки на территории цитадели стали вестись ежегодно широкими площадями, охватывая и ключевые прилегающие оборонительные сооружения¹³. Археологическому изучению подверглось около 70% внутреннего пространства цитадели. За эти годы раскопано 74 помещения римской и средневековой эпох разного функционального назначения, исследовано около 20 объектов оборонительных сооружений, более 30 дренажных и водосточных каналов, улицы, площади, выявлена планировочная градостроительная структура, а также получен значительный археологический и эпиграфический материал, который в совокупности с результатами предшествующих работ позволил получить достаточно полное представление о

жизни на территории цитадели Херсонеса в римский период, когда здесь дислоцировался римский гарнизон¹⁴. Полное археологическое исследование цитадели еще не закончено, однако имеющийся в настоящее время материал требует своего осмысления, что в свою очередь позволит четче и последовательнее наметить план завершающего этапа работ по изучению внутренней планировки цитадели Херсонеса.

Планировка и история строительства цитадели. Участок городища, получивший название цитадель, представляет собой укрепленный четырехугольник, расположенный в юго-восточной части Херсонеса. Район, занимаемый цитаделью, самый низкий участок побережья современной Карантинной бухты. Он

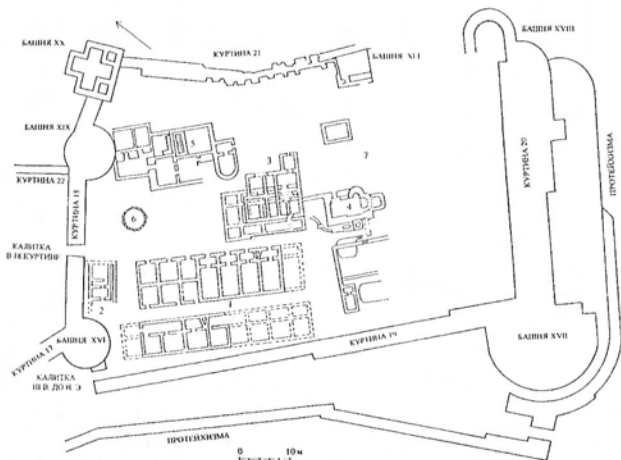

Рисунок 1.

Схематический план цитадели Херсонеса по И. А. Антонопов.

плохо защищен природой и труден для организации обороны. В 70 - 80 м к югу от этого участка находится высокий холм, получивший название Девичья гора. С этого холма хорошо просматривается и простреливается внутренне пространство цитадели, что заставляло при строительстве оборонительных сооружений учитывать этот фактор¹⁵.

Первоначально площадь форта составляла 45 X 92 м., то есть около 0, 4 га. Оборонительные сооружения, возведенные здесь в середине - конце III в. до н. э.,¹⁶ были пристроены к более ранней оборонительной стене - 18 куртине. Впоследствии, видимо, в середине II в., площадь цитадели была увеличена за счет прирезки 10 - 12 метровой полосы намытого морем песчаного побережья¹⁷. Цитадель окружена со всех четырех сторон мощными оборонительными куртинами 18, 19, 20, 21, которые соединялись с башнями XVI - XXI¹⁸ (Рис. 1).

До сооружения укреплений территория цитадели была занята некрополем, который, видимо, вплотную подходил в 18 куртине и был застроен при сооружении цитадели. Об этом свидетельствует значительное количество надгробий IV - III вв. до н. э., обнаруженных не только в башне XVII, но и в кладке 19, 20, 21 куртин, а также башни XVI¹⁹. Два захоронения того же времени были раскопаны у 20 куртины²⁰.

18 куртина, ограждающая цитадель с северо-запада, отделяла этот участок от Портового района города. Начинаясь эта куртина у XVI круглой башни и была, вероятно,

возведена в начале IV в. до н. э.,²¹ а затем на ее месте в 60-ых гг. IV в. до н. э. была построена более мощная куртина и башня, нижние ряды кладки которых сохранились. Первоначальная длина куртины составляла 45 м и на восточном ее окончании из огромных камней с плохо обработанной поверхностью была построена башня XIX. Эта башня была фланговой и обращена к бухте. Она в IV в. до н. э. замыкала вместе с башней XVI и 18 куртеной оборону города с юго-востока. Позднее, во время строительства оборонительных сооружений в III в. до н. э., та часть башни, которая была обращена к цитадели, была разобрана до нижнего ряда кладки. У этой башни начиналась 21 куртина, которая в эллинистический период ограничивала территорию цитадели с северо-востока²².

В первые века н. э. 18 куртина была надстроена в высоту и продлена до новой XX башни, которая располагалась в 12 метрах от круглой башни XIX. Башня XX редкой крестообразной формы возведена на морских песчаных наносах с незначительным заглублением фундамента и обращена в сторону гавани²³. От этой башни начиналась 21 куртина, сооруженная в первых веках н. э.²⁴ Но 21 куртина эллинистического периода не была полностью разобрана, а частично включена в стену терм²⁵.

21 куртина, построенная в первые века н. э., имеет глухую аркаду с тыльной стороны, от которой сохранилась только кладка нижнего ряда из хорошо обработанных крупных квадров, скрепленных известковым раствором с примесью толче-

ной керамики. Опоры аркады размерами 1,3 X 1,5 м, а расстояние между ними 1,3 X 1,6 м. 21 куртина возведена на песчаном намывном грунте, вследствие чего, вероятно, для облегчения веса стены с внутренней стороны строителями и были использованы аркады²⁶.

С остальных сторон цитадель была ограничена 19 и 20. 19 куртина начиналась у XVI круглой башни, рядом с которой была построена вылазная калитка высотой 2,4 м со сводчатым перекрытием. Окружностью башня XVI была обращена к napольной стороне. После возведения цитадели эта часть башни составляла около трети окружности. Остальная ее часть теперь была обращена внутрь цитадели²⁷.

19 куртина наиболее протяженная в оборонительной системе Херсонеса. Ее длина составляет 92 м., а ширина неодинаковая: на западном фланге она достигает 2,5 м, а на восточном - 3,5 м. В 5 м к востоку от башни XVI она под прямым углом делает излом и идет по направлению к башне XVII, получившей название Зинона. В 19 куртине можно выделить несколько строительных периодов. Нижняя часть стены двухпанцирная с забутовкой на глиняном растворе. Среди бутовых камней в тех местах, где облицовка сорвана или повреждена, просматриваются надгробия эллинистического времени, заложенные между облицовкой в качестве заполнения стены. Куртина облицована относительно небольшими прямоугольными блоками (0,3 X 0,7 X 1,3 м), положенными по системе однорядной орфостатной

сложной кладки²⁸. При изучении 19 куртины выделено шесть строительных периодов. К эллинистическому и римскому периодам относятся первая и вторая стены.

На востоке 19 куртина заканчивается башней XVII. Она состоит из ядра в виде первоначальной башни, сложенной в системе орфостатной кладки (кордонами на ребро плитой на образок) из прекрасно обработанных блоков известняка. Внутренний диаметр ядра башни составлял 9 м. С течением времени башня неоднократно увеличивалась в высоту и опоясывалась дополнительными рядами кладки, которая носила различный характер. В первые века существовало ядро башни, и был построен первый пояс толщиной 1,7 м, состоявший из огромных плит. После последующих перестроек в средневековый период диаметр башни увеличился до 23 м²⁹.

От башни XVII на северо-восток тянулась 20 куртина, за которой начинался некрополь. Эта куртина, обращенная к Девичьей горе, многократно перестраивалась и укреплялась. Она состояла из пяти оборонительных стен, пристроенных поочередно одна к другой с наружной стороны. На северо-востоке 20 куртина фланкировалась башней XVIII, возведенной в первые века н. э.³⁰ Внутри цитадели вели две калитки и ворота. Одна калитка была сделана в средней части 18 куртины и соединяла защищенную часть цитадели с городскими кварталами в портовом районе. Вторая - устроена в 19 куртине и соединяла цитадель с периболом. Первоначально ворота располагались у

XX башни в 21 куртине и, несомненно, были главными³¹.

После или одновременно с возведением куртин и башен территория цитадели была распланирована сетью улиц, которые пересекались под прямым углом, образуя кварталы. Три улицы были проложены в продольном направлении от 18 к 20 куртинам вдоль 19 и 21 куртин и посередине между ними, а три шли перпендикулярно им, соединяя 19 и 21 куртины. Видимо, первоначально все улицы имели одинаковую ширину, может быть с незначительными колебаниями, от 2, 5 до 3 м. Улица вдоль 19 куртины шла к калитке у XVI башни, а центральная - к калитке в средней части 18 куртины. В первые века ширина улиц была несколько изменена вследствие характера застройки, что привело к их отклонению от первоначальной линии. На это указывают водосточные каналы, оказавшиеся внутри более ранних помещений³².

На территории цитадели зафиксировано крайне мало строительных остатков эллинистического периода, и они исчисляются буквально единицами. Разрозненные, короткие обрывки стен III в. до н. э. были открыты на участке раскопок К.Э. Гриневича 1927 - 1928 гг. В частности, кладки в проходе калитки у XVI башни исследователь предположительно связывал с ранней башней, которая могла существовать на этом месте³³. На участке у 19 куртины, в нижнем горизонте, К.Э. Гриневичем зафиксировано значительное количество керамики III в. до н. э.,³⁴ которая, как можно предположить, являлась выбросом из гончарной печи,

открытой К.К. Косцюшко-Валюжиничем к западу от куртины, с ее напольной стороны³⁵.

Далее к юго-востоку; у центра 19 куртины, на скале раскопками К.Э. Гриневича были открыты две идущие под прямым углом одна к другой стены небольшого помещения и остатки цистерны или водоема³⁶. А в 1990 - 1995 г. в 15 м от этих строительных остатков раскопана цистерна III в. до н. э. глубиной 1, 15 м, вырубленная в скале и использовавшаяся в первых веках нашей эры³⁷. К северо-востоку от цистерны открыт большой, сделанный в скале подвал, в который вели семь ступеней, вырубленные в скале вдоль его северо-восточной стены (Антонова, 1996 а, с. 21 - 23). Помещение XVII, открытое К.Э. Гриневичем³⁸, и описанный подвал содержали керамический материал I в. до н.э. - I в. н.э.³⁹ Перечисленными объектами исчерпываются ранние строительные остатки на территории цитадели. К этому следует добавить, что находки керамического материала эллинистического периода на территории цитадели вообще весьма не многочисленны⁴⁰.

Возведение оборонительных сооружений цитадели Херсонеса потребовало огромного объема планировочных и строительных работ. Причем возведение хорошо продуманной системы башен, куртин и калиток-проходов, несомненно, указывает на то, что внутренняя территория, защищенная стенами, должна была быть застроена. Однако приведенный краткий перечень строительных остатков эллинистического периода заставляет задуматься над тем,

почему до нашего времени дошло так мало памятников этого времени.

Для объяснения этого следует иметь в виду, что всеми исследователями цитадели неоднократно обращалось внимание на подтопление отдельных участков на территории цитадели, что препятствовало их дальнейшему углублению и археологическому изучению нижележащих слоев⁴¹. Но сохранившиеся цокольные ряды кладки XVI и XIX башен, 21 куртины, обкладки колодца 6, порога калитки у 20 куртины делают такое объяснение маловероятным. Вряд ли какие-либо археологические слои могли находиться ниже цокольного ряда кладки тех фортификационных сооружений, которые были построены на начальном этапе строительства, т. е. ниже древней дневной поверхности.

Очевидно, такое положение, археологически прослеженное на территории цитадели, объясняется тем, что здесь перед новым этапом строительства удалялся грунт и нивелировалась территория для новых построек. Характер строительных остатков II - III вв. свидетельствует о том, что римскими военными здесь велось достаточно масштабное строительство, перед которым все более ранние сооружения были просто снесены и площадь цитадели выровнена. Ведь размещение в Херсонесе римских войск требовало возведения целого ряда специфических построек, видимо, носивших иной характер и назначение, чем те здания, которые располагались здесь ранее.

Как сейчас установлено, все куртины цитадели Херсонеса, кроме 18,

были возведены в середине - конце III в. до н.э. одновременно. Впоследствии они лишь перестраивались и укреплялись. Это позволяет заключить, что цитадель была построена по определенному плану и, следовательно, отражает определенный этап в историческом развитии Херсонеса эллинистического периода. Причем, возведение херсонесской цитадели в середине - конце III в. до н.э. сейчас есть все основания связывать с изменениями в военной организации и началом формирования гарнизона города на более или менее постоянной основе. Вероятно, именно здесь размещалось военное командование Херсонеса и гарнизон, который должен был в случае необходимости защитить город, а юноши-эфебы проходили военную подготовку. К сожалению, сказанное пока не может быть подтверждено прямыми данными источников. Но дислокация здесь римских военнослужащих во второй половине II - третьей четверти III вв. и строительство в середине - второй половине IX в. административного здания херсонесской фемы убеждает в правильности высказанного предположения⁴².

Стратиграфия территории цитадели первых веков н. э. Уже говорилось о том, что до возведения 19, 20 и 21 куртин с башнями территория цитадели была занята некрополем, а постройки последующего времени, вероятно, были разрушены в ходе нивелировки площади цитадели, предшествующей возведению здесь сооружений, связанных с дислокацией римских войск. Сейчас можно утверждать, что достаточно

масштабные строительные работы здесь велись на протяжении середины - второй половины II в. В это время были построены казарменные помещения для римских военнослужащих, здания у 18 куртины, на пересечении главных продольной и поперечной улиц территории цитадели, а также термы, располагавшиеся к востоку от башни XIX (Рис. 1). В ходе археологического исследования всех этих комплексов установлено, что во всех перечисленных постройках четко выделяются два основных строительных периода. Границей между ними строительными периодами является внезапная и одновременная гибель всех сооружений в первой половине III в., о чем, в частности, свидетельствуют завалы рухнувшего черепичного покрытия крыши терм⁴³.

Через непродолжительное время на месте разрушенных построек были возведены новые того же назначения и плана, а стены сооружений предшествующего периода были использованы в качестве фундаментов. В результате этого уровень дневной поверхности был поднят на 0,9 - 1 м. На эту же высоту были заложены дверные проемы и засыпаны остатки старых построек⁴⁴. Но если раньше лишь констатировалось наличие в цитадели римского времени двух строительных периодов, то сейчас можно попытаться определить время и причину отмеченных разрушений.

Среди монет, обнаруженных на полах погибших помещений первого строительного периода, по данным И.А. Антоновой, не было экземпляров, датирующихся временем позднее 237 г. А из надписи 250 г. о восстанов-

лении на территории цитадели сохлы принципалов, можно заключить, что к этому времени строительные работы здесь уже были в основном завершены⁴⁵. Следовательно, разрушение и реконструкция построек на территории цитадели относятся к промежутку времени между указанными датами - 237 и 250 гг.

Сейчас можно с высокой долей уверенности предполагать, что внезапные и единовременные разрушения на территории римской цитадели, четко прослеженные археологически, были вызваны землетрясением, после которого и были проведены восстановительные работы⁴⁶. На возможность этого, в частности, указывают трещины сейсмического характера, обнаруженные на оборонительных сооружениях и ядре башни XVII⁴⁷. Ко времени после этих событий И.А. Антонова относит работы по обновлению и перестройке оборонительных сооружений в юго-восточной части города⁴⁸, что косвенно подтверждается надписью 245 г., в которой говорится о постройке башни⁴⁹.

В связи с этим, весьма показательны данные источников, сообщаемых в том, что в 236/7 г. сильные землетрясения, с образованием на поверхности складок, имели место на территории Каппадокии и Понта⁵⁰. Сейсмическая волна от этих землетрясений, как и после землетрясения 480 г.,⁵¹ вполне могла докатиться до Таврики, в результате чего пострадали оборонительные сооружения Херсонеса и постройки на территории римской цитадели города. Именно этими событиями, скорее всего, следует объяс-

нять работы по укреплению оборонительных сооружений Херсонеса и возведение новых построек на месте разрушенных, которые по археологическому материалу и эпиграфическим памятникам относятся к 40-м - 50-м гг. III в.⁵²

Следовательно, на основании имеющихся данных первый строительный период на территории римской цитадели Херсонеса может быть датирован серединой II в. - 237 г., а начало второго следует относить ко времени сразу же после землетрясения. К сожалению, пока не совсем ясной остается верхняя хронологическая граница этого строительного периода, но по имеющимся данным, она не выходит за пределы второй половины III в.⁵³

Строительные комплексы на территории цитадели Херсонеса⁵⁴. На территории цитадели раскопками разных лет был исследован ряд археологических объектов, связанных с дислокацией здесь римского гарнизона. Именно эти строительные остатки позволяют более полно представить не только жизнь и быт римских военнослужащих, но и особенности застройки так называемой цитадели Херсонеса в первые века н. э.

Казарменные помещения. В 1926 - 1928 гг. К.Э. Гриневичем был раскопан фундамент большого здания, расположенного вдоль 19 куртины, между так называемой базиликой Леонтия (часовней XII - XIII вв.) и башней XVI, в северо-западном углу цитадели. Здесь открыто шесть почти одинаковых по размерам прямоугольных помещений⁵⁵, а раскопка

ми И.А. Антоновой впоследствии было установлено, что помещений было не шесть, а восемь (Рис. 1, 1).

В восточной части здания имелся узкий коридор, шириной 1,75 м, отделенный от южной части помещений. Самое западное из раскопанных помещений было вдвое уже остальных. Южная стена этого здания проходила под углом к 19 куртине и была общей для всех раскопанных помещений. Толщина стен здания - 0,65 м, а сохранившаяся высота 1,2 м. Стены сложены из бутового камня на глине и возведены на 1,45 м выше уровня скалы⁵⁶. Все помещения имели выходы с северной стороны, в сторону не раскопанного участка⁵⁷. На основании археологического материала, обнаруженного в ходе раскопок, здание исследователем датировано II - III вв.⁵⁸ При этом необходимо подчеркнуть, что в засыпи помещений была обнаружена черепица с клеймами VEM I и XI Клавдиева легиона, которой, видимо, была перекрыта крыша здания первоначально⁵⁹.

В 1962 г. раскопки комплекса, открытого К.Э. Гриневичем, были продолжены В.В. Борисовой. К юго-востоку от продольной улицы, открытой в 1959 г.,⁶⁰ было раскопано еще шесть аналогичных помещений общей площадью 132 кв. м, которые с севера были ограничены поперечной улицей, а с юга, как считала исследовательница, вероятно, двором, куда выходили дверные проемы помещений, исследованных в 1928 г. Все раскопанные помещения имели разную площадь. Помещение «д», на углу поперечной и продольной ули-

цы, было площадью 22 кв. м, а в этом же ряду помещение «ж» - только 10 кв. м. Площадь других колебалась в пределах от 10 до 14 кв. м.: «з» - 14 м. кв; «к» - 12 м. кв; «е» - 15 м. кв; «н» - 10 м. кв. (Рис. 1, 1)⁶¹.

По мнению В.В. Борисовой, комплекс, открытый на территории цитадели, представлял собой здание с двумя рядами прямоугольных помещений и двором, располагавшимся между ними⁶². Однако И.А. Антонова считает, что все входы были обращены на северо-восток, а казарменные помещения разделял не двор, а продольная улица, доходившая до центральной осевой магистрали цитадели. Все помещения между собой были связаны дверьми. Из помещения «ж», которое В. В. Борисова определяет как коридор размерами 4 X 1, 75 м⁶³, два дверных проема вели в помещение «з» и «и». Вход в помещения «д» и «ж» вел с продольной улицы, а помещения «е» и «з» выходили на улицу с противоположной стороны, сообщаясь между собой. В полу помещения «и» находился поглотительный колодец. Стены некоторых помещений были оштукатурены и побелены. Полы земляные, утрамбованные.

В помещении «з» была открыта печь для обжига терракот. Здесь же была найдена раздавленная форма для формовки статуэтки, которую В.В. Борисова считает Деметрой. Печь работала еще незадолго до постройки здания и хронологический разрыв между ними, по мнению исследовательницы, установить невозможно⁶⁴.

В восточном конце этого здания в 1991 г. раскопано еще четыре одноступенчатые по площади и устройству

двухкамерные помещения (XII - XV), которые являлись продолжением ряда построек казарм, исследованных В.В. Борисовой⁶⁵. Помещение XIII представляло собой тамбур размерами 1, 8 X 3, 5 м с дверным проемом, выходившим на улицу. Он располагался перед помещением XII, размерами 7 X 3, 5 м. Стены были сложены из бутового, слегка подтесанного камня. Глинобитный пол покрыт известковой крошкой толщиной 0,1 м. В заполнении вместе с керамическим материалом обнаружены фрагменты черепицы с клеймами VEM I и XI Клавдиева легиона. К югу от этого комплекса исследовано два аналогичных по размерам и планировке помещения XIV и XV. Помещение XV с дверным проемом было тамбуром перед помещением XIV с глинобитным полом. В ходе раскопок описанных помещений, как и в других постройках первых веков на территории цитадели, было выявлено два строительных периода, причем полы второго были подняты на 0,15 - 0,20 м выше первого⁶⁶.

При раскопках комплекса повсеместно встречался фрагментированный амфорный материал II - III в., а обломки IV в. представлены незначительным количеством экземпляров⁶⁷. Среди других находок следует упомянуть фрагмент стенки раствора с клеймом [P]HILEM[O] [M]INNE[I], обнаруженный на подходе к улице, примыкавшей к зданию⁶⁸, а также бронзовой фибулы в форме свастики, окончания которой были украшены стилизованными изображениями конских голов⁶⁹. Эти предметы, вне всякого сомнения, связан-

ные с римским военным бытом⁷⁰, конечно подтверждают вывод о том, что описанные комплексы помещений следует рассматривать в качестве казарм римского гарнизона, расквартированного на территории цитадели города⁷¹.

Все помещения носили признаки одинаковой и одновременной гибели. Два из них имеют особенно явные черты этого. В коридоре, который вел со стороны поперечной улицы в помещение «ж», обрушилась смежная стена, но при восстановлении эту кладку не стали убирать, а рядом с ней возвели новую стену, уменьшив тем самым длину коридора. Стены помещений первого строительного периода, разрушенные на высоту 0,7 - 1 м от пола, вскоре были отстроены, а более ранние использовались как фундаменты новых. Многие дверные проемы были заложены, а уровень пола значительно поднят, внутренние стены оштукатурены. Вход от повышенного нового уровня улицы на 1 - 2 ступеньки спускался вниз. В засыпи второго строительного периода была обнаружена черепица с клеймами VEMI и LEIXCL⁷², которая свидетельствует о том, что после разрушений построек первого строительного периода они были восстановлены, видимо, римскими солдатами, использовавшими такую черепицу.

В ходе раскопок В.В. Борисовой было установлено, что до возведения здания казарм здесь также находились постройки, о чем свидетельствуют обрывки кладок I в. до н. э. - I в. н. э.,⁷³ а само здание перестраивалось дважды. Первый строительный пери-

од исследовательница относила ко II - III вв., а второй - к III - IV вв. В более позднее время оно сохранило примерно ту же планировку и площадь, а стены первого строительного периода были использованы в качестве фундаментов⁷⁴.

На основании стратиграфических наблюдений И.А. Антоновой, сейчас, как уже говорилось, первый строительный период может быть отнесен ко времени со второй половины II до 40-х гг. III в., а второй - с середины III в. до его конца. После прекращения функционирования здания казарм на месте помещений «д» и «е» была построена известеобжигальная печь, в устье которой был обнаружен материал V - VII вв.⁷⁵ Позднее они были перекрыты большим военно-административным зданием IX - X вв., возведенным на центральной осевой магистрали цитадели.

В ходе раскопок В.В. Борисовой в помещении «з», как уже говорилось, была обнаружена печь для обжига терракот. В.В. Борисова датировала ее суммарно - II в. и указала, что она функционировала до постройки здания казарм⁷⁶. Учитывая, что пока нет оснований говорить о римской застройке территории цитадели ранее середины II в., которой принадлежал комплекс помещений казарм, эта печь может быть отнесена ко времени не позднее первой половины II в. и, таким образом, дает *terminus post quem* для начала строительства. Следовательно, весь рассмотренный комплекс на основании стратиграфических наблюдений и археологического материала может быть да-

тирован второй половиной II - III в.

По своей планировке и внутреннему оформлению два ряда помещений, раскопанных К.Э. Гриневичем, В.В. Борисовой и И.А. Антоновой, безусловно, могут быть интерпретированы в качестве нескольких *contubernia*, расположенных в два ряда, а само здание как *centuria*, предназначавшееся для жилья римских солдат. В справедливости такого заключения убеждают многочисленные здания казарм *centuriarum*, открытые повсеместно в процессе раскопок на территории провинций Римской империи⁷⁷.

Однако, отмечая близость раскопанных на территории цитадели помещений казармам римских *centuriarum*, следует указать, что, если в стандартной *centuria*, остатки которых открыты на территории римских лагерей, насчитывалось в среднем десять или больше блоков-*contubernia* и один блок, где жил *centurio*⁷⁸, то в Херсонесе в северном ряду открыто пока только пять блоков (*contubernia*) с коротким тамбуром и жилым помещением, а также шесть помещений приблизительно одинаковой площади («д», «е», «ж», «з», «и», «к»), соединенных между собой дверными проемами. Помимо этого южный ряд казарменных помещений, располагавшихся вдоль 19 куртины и раскопанных К.Э. Гриневичем, в западной части имел, видимо, два жилых блока, дверные проемы которых выходили в общий тамбур. Исходя из этого, можно констатировать, что при строительстве казарменных помещений на территории цитадели прослеживается опреде-

ленное своеобразие планировки.

Если бы рассматриваемые здания были открыты на территории классических римских военных лагерей, то комплексы западных помещений обоих рядов построек можно было бы определить как жилые помещения, которые занимали *centuriones*⁷⁹. Но сейчас установлено, что в самом Херсонесе в подчинении военного трибуна находился лишь один *centurio*, который руководил римскими военнослужащими на территории города⁸⁰. Следовательно, есть основания предполагать, что указанные помещения занимали иные категории должностных лиц, по своему положению стоявших между простыми солдатами и *centurionibus*⁸¹. Конечно, сейчас с уверенностью трудно говорить о том, кем именно они были, но ряд косвенных данных все же позволяет рассмотреть этот вопрос и высказать вполне определенные предположения.

Эпиграфическими памятниками в составе римского гарнизона Херсонесе фиксируются принципалы, которые выполняли обязанности унтер-офицеров, занимая по своему служебному положению ранг между *centurionibus* и простыми солдатами⁸². В римской армии принципалы освобождались от тяжелой повседневной солдатской работы. Как специалисты в зависимости от своего ранга, они служили в различных армейских учреждениях: от штабов разного уровня до исполнения поручений обычных *centurionibus*⁸³.

Среди римских военнослужащих, известных в разное время по херсонесским надписям, к разряду

принципалов могут быть отнесены *tubicen* XI Клавдиева легиона⁸⁴, *[sign]ifer*⁸⁵, *medicus*⁸⁶ и *beneficiarii consulares*⁸⁷. А в 250 г. на территории цитадели за счет командира херсонесской векиллианской Марка Ратина Сатурнина была восстановлена школа принципалов - здание, где проводили свой досуг младшие офицеры. Учитывая, что эта постройка существовала здесь и ранее, в составе военнослужащих, расквартированных в Херсонесе, принципалы занимали довольно заметную роль⁸⁸.

По своему положению указанные унтер-офицеры в римской армии стояли выше простых солдат. Поэтому и жить они должны были отдельно от простых легионеров или военнослужащих вспомогательных войск. Судя по имеющимся сейчас данным, принципалы в римских военных лагерях занимали отдельные блоки, расположенные рядом с *contubernia* центурий⁸⁹. Это позволяет в предположительном плане атрибутировать северо-западные блоки казарменных помещений, раскопанных на территории цитадели Херсонеса, как помещения, отведенные для размещения именно принципалов.

В восточной части казарменных зданий - центурий, *contubernia* не сохранились, поэтому трудно что-то определенное сказать о суммарном количестве римских военнослужащих, живших на территории цитадели. Но наличие на территории современной Балаклавы остатков довольно большого кастелла, где могли размещаться основные силы римских войск, и сравнительно небольшие размеры территории цитадели Хер-

сонеса, видимо, позволяют заключить, что здесь постоянно находилось в общей сложности никак не больше сотни римских военнослужащих разного ранга, а также штаб векиллианцев⁹⁰.

Здание у XVI башни. На протяжении 1958 - 1959 гг. работами под руководством В. В. Борисовой был исследован участок цитадели от XVI башни до калитки в 18 куртине. Впервые работы здесь провел К. К. Косцюшко-Валюжинич, который, однако, снял лишь верхние, средневековые слои. Исследование более ранних объектов тогда не было проведено и только у калитки в 18 куртине археологически исследована небольшая площадь, уходящая под ее порог. Именно здесь В. В. Борисовой было раскопано здание, которое занимало площадь около 90 кв. м. и неоднократно перестраивалось, увеличиваясь за счет близлежащей продольной улицы. В результате археологических работ здесь выявлено три строительных периода (Рис. 1, 2).

Здание первого, площадью 23, 6 кв. м, было небольшим и состояло из двух помещений. Где находился вход в здание, не выяснено, но не исключено, что он был сделан в юго-восточной стене⁹¹. Стены шириной 0, 6 м, сложенные из бутового камня на глиняном растворе, сохранились на высоту 0, 5 - 0, 6 м вследствие того, что при последующих перестройках они разбирались. Помещения сообщались между собой через дверь, о чем свидетельствует дверной проем частично сохранившийся в одной из стен. Стены здания изнутри были оштукатурены. Полы земляные, хо-

рошо утрамбованные, лежали на песчаной подсыпке. Среди невыразительного керамического материала позднеэллинистического времени и первых веков обнаружена лишь одна монета I - 50 гг. н.э.⁹²

Второй строительный период представлен зданием большей площади, которая увеличилась до 32, 5 кв. м за счет сокращения ширины продольной улицы. В здании по-прежнему были два помещения. Стены шириной 0, 6 - 0, 7 м., сохранившиеся на высоту 0, 25 - 0, 3 м, также были сложены из бутового камня на земляном растворе. В юго-западной части зафиксирован угол цистерны высотой 0, 4 м, дно которой вымощено черепицей. Стены оштукатурены ярко-красной цемянкой грубой консистенции. Археологический материал, обнаруженный в слоях этого строительного периода, представлен фрагментами светлоглиняных амфор II в., красноглиняных амфор с гладкими и желобчатыми стенками III - IV в., а также бронзовыми херсонесскими монетами 46 - 54 гг.⁹³

Третий раз здание, возведенное из бутового камня на земляном растворе, было расширено также за счет продольной улицы, а также участка между зданием второго строительного периода и башней XVI. В его кладку были включены обломки архитектурных деталей и надгробий предшествующего времени. В кладке порога дверного проема коридора, например, обнаружена часть мраморного надгробия с изображением сцены заgrabной трапезы, датирующиеся II - началом III в.⁹⁴ Площадь здания увеличи-

лась до трех помещений и широкого коридора общей площадью 90 кв. м. Вход в коридор был устроен со стороны продольной улицы.

Самым большим было угловое помещение «А-3» площадью 30 кв. м. с выходом на продольную улицу. Стены сохранились на высоту 1, 2 м и 0, 8 м от уровня пола. Северо-западная стена была возведена на остатках кладки второго строительного периода. В восточном углу и на юго-восточной стене сохранились остатки штукатурки. Штукатурка трехслойная, со следами фресковой живописи, которая, к сожалению, не поддается восстановлению вследствие фрагментарности. Скорее всего, на ней были изображены орнаментальные мотивы. На верхнем слое рисунок выполнен красной и зеленой краской по белому фону. В помещении «А-3» зафиксировано три земляных пола, соответствовавших, скорее всего, трем проведенным здесь ремонтам. Помещение «Б-3» перекрыто первым утолщением башни XVI (утолщение «А»), что определяет хронологические рамки этой пристройки, которая, по мнению В.В. Борисовой, возникла не ранее IV - V вв.

В помещениях третьего строительного периода обнаружен разнообразный керамический материал II - IV вв., коллекция кровельной черепицы с латинскими клеймами⁹⁵, а также бронзовые и серебряные монеты, среди которых были экземпляры времени правления Севера Александра (222-235 гг.), Юлии Домны, Гордиана III (238 - 244 гг.) и Аркадия (395 - 408 гг.).

Здание занимало часть городско-го квартала и выходило юго-восточным фасадом на продольную улицу, которая шла вдоль 18 куртины, а северо-восточной - на поперечную улицу, ведущую к калитке в 18 куртине. На этих улицах сохранились водоотводные каналы, расположенные на нескольких уровнях⁹⁶. Исходя из его планировки и внутреннего оформления, оно, по мнению В.В. Борисовой, не было рядовой казармой, а являлось резиденцией какого-то должностного лица из состава римского гарнизона города и, судя по археологическому материалу, функционировало на протяжении II - начала IV в⁹⁷

С этим заключением нельзя не согласиться. Но, к сожалению, имеющийся материал не позволяет окончательно решить вопрос, кому конкретно оно принадлежало. Однако месторасположение описанного комплекса рядом с казарменными помещениями, наличие расписной штукатурки и дверной проем, выходящий из него на улицу, в сторону казарм, позволяет утверждать, что это были именно жилые помещения.

Необходимо обратить внимание и на то, что данное здание состояло из двух, а позднее - трех помещений. Это не позволяет атрибутировать его в качестве жилья более или менее высокого должностного лица римской военной администрации. Сравнительный материал позволяет предполагать, что здание у XVI башни мог занимать центурион, который руководил повседневной жизнью солдат херсонесского гарнизона⁹⁸.

Вместе с этим в Херсонесе, наряду с центурионами, известны трие-

рархи Мезийского Флавиева флота, которые по своему должностному положению были близки армейским центурионам⁹⁹. Вряд ли они во время стоянки в херсонесской гавани жили на кораблях или занимали помещения, расположенные в казармах военнослужащих сухопутных войск, так как составляли определенную замкнутую группу, подчиненную непосредственно командующему всеми римскими вооруженными силами в Таврике¹⁰⁰. Поэтому не исключено, что раскопанное у XVI башни здание могло быть резиденцией, где размещались флотские офицеры.

Здание на пересечении главных продольной и поперечной улиц. В ходе многолетних раскопок здесь было раскопано большое прямоугольное здание, в котором выделено два строительных периода. Продольная его ось вытянута вдоль продольной улицы по направлению северо-запад - юго-восток. Фронтальные фасады обращены: южный - к главной поперечной улице, северный - к площади, располагавшейся в северо-западной части цитадели. Здание с трех сторон было окружено портиками с колоннадами, хотя не исключено, что с северной стороны, где прошла стена здания IX в., портика не было. Длина здания 17, 5 м., ширина вместе с портиками - 9, 9 - 10, 1 м. (Рис. 1, 3).

Стволы колонн, вероятно, были деревянными. Но нельзя исключить и того, что колонны были изготовлены из местной породы известняка, базы которых были обнаружены в портике здания второго строительного периода, первоначально могли

использоваться для колоннады описываемой постройки. Порттики имели черепичную крышу. На это указывает не только значительное число найденной черепицы, но и обнаруженное устройство для отвода воды с крыши, состоявшее из трех водосточных труб. Аналогично в канал отводилась вода с кровли казарменного помещения на противоположной стороне улицы.

Здание разделено поперечными стенами на три помещения, неравные по площади - XI (а), XVI, XVIII. Поперечные стены продолжались в портиках, разделяя их на небольшие отсеки. Глинобитный пол в помещениях на 0,15 м выше пола в портиках. В центральном отсеке западного портика пол имел каменную вымостку из разномерных камней, а в остальных отсеках он был твердым, глинобитным. Сохранность стен здания дала возможность проследить входной проем только в помещении XVI. Его ширина 0,8 м. Проем размещен в восточной стене так, что северную сторону проема составляла стена помещения. Вход во все помещения, видимо, располагался со стороны портика.

Северное помещение XI(а) имело размеры 3,7 X 4 м. На уровне пола найдено большое число фрагментов известковой штукатурки хорошего качества с гладкой поверхностью, со следами полихромной росписи. В цветовой гамме преобладал глубокий красный цвет. Некоторые фрагменты имели зеленую и голубую окраску. Помещение XVI примыкало к XI с южной стороны. Его размеры по внутреннему периметру 3,7 X 3,7 м. Большая часть помещения разруше-

на двухрядной обкладкой средневекового колодца. К югу от помещения XVI расположено помещение XVIII, где хорошо сохранился слой штукатурного покрытия. Лишь местами небольшие лакуны нарушают покрытие. Известковая штукатурка белого цвета хорошо выровнена и заглажена. В северной части, у стены, на полу лежал слой известковой штукатурки белого и красного цвета, а также фрагменты карниза. Мощность этого слоя 0,15 - 0,5 м. Карниз непритязателен и прост по исполнению. Три углубленных желобка, сделанные в сырой штукатурке путем вдавливания тонкой круглой рейки или прута, а выпуклый, округлый валик под ними составляли профиль. Здесь же, в северо-западном углу, на полу лежало очень большое круглое ядро (диам. - 0,28 м) с высеченными на нем буквами.

В помещениях первого строительного периода обнаружен разнообразный археологический материал, который датируется в пределах II - первой половины - III вв., а также монеты. Это тетрассарий с изображением на лицевой стороне Девы в рост 161 - 181 гг. и монеты времени Септимия Севера - 193 - 211 гг. Наиболее поздние монеты из слоя первого строительного периода не выходят за пределы первой четверти III в.

Здание первого строительного периода внезапно погибло в первой половине III в., но в скором времени было восстановлено на том же месте. Стены здания второго строительного периода, с западной стороны перекрывали стены предшествующего и были пристроены вплотную к

ним или возведены на очень небольшом расстоянии. В отличие от здания первого строительного периода, оно содержало два ряда помещений, по три в каждом. Особенность его плана заключалась в том, что длина центральной части второго ряда была 11 м, западного - 12,5 м. Это создавало уступ на северной фасадной стороне. Такое решение обуславливалось необходимостью отступить от большого бассейна терм, который находился в 2,5 м к северо-востоку от северной стены здания.

Лучше других сохранилась западная стена здания второго строительного периода, кладка которой утолщала стену здания предшествующего, достигая вместе с ней 1,2 - 1,4 м толщины. Сохранившиеся почти везде стены, кроме западной, составляли заглубленный цоколь постройки. Каждый ряд здания состоял из 3 помещений. Уровень глиняного пола был на 0,6 м выше пола предшествующего периода. На такую же высоту поднялся уровень прилегающих улиц. Стены сохранились в отдельных местах на 0,1 - 0,2 м. В вышележащих слоях были найдены крупные прямоугольные тесаные блоки. Они могли принадлежать облицовке разрушенных стен здания второго строительного периода. Ширина западного ряда помещений 4,5 м, восточного - 3,5 м. Стена, одевавшая помещения западного ряда от восточного, была возведена на 0,8 м восточнее стены первого строительного периода. Сложенная по одному уровню в помещении XVI, она являлась основанием плотно утрамбованного ровного и твердого глинобитного пола.

На этом уровне найдены три прямоугольные хорошо тесаные плиты из известняка размерами 0,4 X 0,6 X 0,6 и 0,4 X 0,7 X 0,6 м, вероятно, принадлежавшие облицовке сооружения. Вдоль фасада здания, как и предыдущего строительного периода, были портики, кровля которых поддерживалась колоннадой. Судя по месту колонны у северо-западного угла, портик мог быть и на северном фасаде, но не ясно, на всем ли его протяжении. Зафиксированы места установки шести колонн вдоль западного и южного фасадов.

База и плинт колонн вытесаны из одного блока известняка местной породы. Плинт имеет размеры 7 X 27 см. Базы дорического ордера; их профиль представляет четверть вала, выпуклый ремешок и полочку. Теска камня тщательная, пропорции изящные. Стилобатом колонн служили прямоугольные блоки известняка, размеры которых значительно колебались - 0,5 - 0,55 X 0,4 - 0,5 м. Вдоль западного фасада найдены четыре базы, из которых одна оказалась разбитой. Вдоль южного фасада обнаружены базы еще двух колонн: одна угловая *in situ*, место другой определялось по стилобату. Еще одна сильно поврежденная база оказалась использованной в кладке водосточного канала VI в. В восточном фасаде были найдены две плоские плиты, которые первоначально могли быть стилобатами колонн. Они лежали на специальных подставках. Возможно, здание этого строительного периода до постройки второго ряда помещений имело портик и с восточной стороны.

Южное помещение восточного ряда имело крыльцо, которое выходило за линию стены на 1,6 м. Порог крыльца представлял хорошо тесаную плиту размерами 0,4 X 0,4 X 1,1 м с прямоугольной выемкой. Пространство между стеной и плитой выровнено заливкой известкового раствора. С внешней стороны плиты порога найдена лежавшей на боковой стороне часть ствола колонны. Ее диаметр 0,35 м, длина 0,9 - 1,0 м. Разница в размерах с остальными колоннами, возможно, указывает на отсутствие портика с восточной стороны.

Археологический материал в слое второго строительного периода немногочисленный. Монеты представлены выпусками 222 - 235 гг. При этом следует подчеркнуть, что в том же горизонте в соседних постройках нумизматический материал датируется 240 - 250 гг.¹⁰¹

На основании того, что описанное здание первого и второго строительного периодов являются наиболее торжественными среди построек, раскопанных на территории цитадели, И.А. Антонова ранее считала возможным рассматривать его как административный центр херсонесской вексилляции второй половины II - первой половины III вв. Причем, на основании находки в цитадели латинской строительной надписи 250 г.,¹⁰² исследовательница полагала, что, видимо, именно это здание можно отождествлять с преторием или принципией, где располагалась скола принципалов, восстановленная под руководством центуриона I Итальянского легиона Марка Ратина Сатурнина¹⁰³.

Однако вряд ли такой вывод можно считать в достаточной степени аргументированным. Как сейчас хорошо известно, претории и принципии стационарных римских военных лагерей на территории римских провинций уже со второй половины I в. имели достаточно устоявшуюся планировку¹⁰⁴. Главным ее элементом были внутренние дворы, вокруг которых по периметру концентрировались помещения различного назначения, в том числе и сходы¹⁰⁵. В противоположность этому, в так называемом административном здании херсонесской вексилляции и первого, и второго строительных периодов, внутренний двор отсутствовал, и оно состояло из двух рядов сравнительно небольших помещений, окруженных колоннадой. Что же касается вывода о парадном характере помещений, сделанном на основании наличия здесь расписной штукатурки, то следует заметить, что аналогичной штукатуркой были покрыты стены не только этого здания, но и соседних с ним помещений, предназначавшихся для размещения солдат. Помимо этого, размещение так называемого административного здания херсонесской вексилляции в северо-западной части цитадели, рядом с казарменными помещениями и термами, также не позволяет видеть в нем преторий или принципию, которые в римских военных лагерях находились преимущественно в центре. К тому же преторий, как правило, был резиденцией легата легиона¹⁰⁶, а в Херсонесе высшим военным должностным лицом был трибун и, следова-

тельно, для его размещения должна была быть возведена постройка несколько иного плана¹⁰⁷.

Естественно, в данном случае нельзя механически переносить на Херсонес те принципы планировки военных лагерей, которые сложились в практике военного строительства в провинциях. В тоже время, несмотря на определенные нормы, планировка римских военных лагерей в зависимости от различных обстоятельств и времени варьировалась, хотя наиболее общие ее принципы оставались на протяжении веков неизменными¹⁰⁸. Примером этого может служить Херсонес. Здесь римские военнослужащие располагались в пределах античного города, чем, безусловно, объясняется определенная специфика в размещении построек на территории цитадели. Но, учитывая тот исключительно важный факт, что на огромных территориях, входивших в состав Римской империи, с завидным постоянством повторяются одни и те же элементы застройки римских военных лагерей (принципии, претории, термы, казармы и др.), при интерпретации построек римской цитадели Херсонеса все же следует исходить из более или менее устоявшейся практики возведения тех или иных военных построек. Об этом достаточно наглядно свидетельствуют и материалы раскопок херсонесской цитадели, в частности, казарменных помещений и терм, которые находят себе близкие аналогии в пунктах дислокации римских войск на территории провинций.

Не претендуя на окончательное решение вопроса об атрибуции описанного комплекса, следует указать, что по своему планировочному решению это здание наиболее близко не преторию или принципии, а жилым помещениям, предназначавшимся для размещения высших должностных лиц херсонесской вексиляции - легионных центурионов или военных трибунов¹⁰⁹. Это предположение вполне вероятно, если вспомнить, что Херсонес во второй половине II в. был резиденцией военного трибуна, командовавшего всеми римскими войсками в Таврике¹¹⁰. Не исключено, что именно это здание и было его резиденцией, а позднее здесь мог жить центурион, который в середине III в. стал высшим римским военным должностным лицом в Херсонесе.

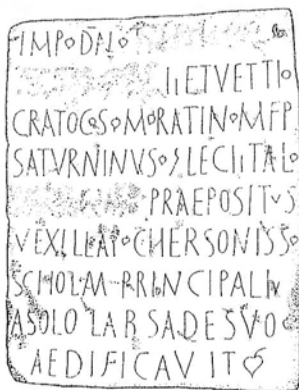

Рис. 2.

Подпись 250 г. из раскопок цитадели Херсонеса.

Schola principalium. Недавно в Херсонесе была обнаружена надпись, свидетельствующая о том, что в 250 г. препозит херсонесской епископии Марк Ратин Сатурнин, видимо, на территории цитадели, на свои средства восстановил *scholae principalium* (Рис. 2)¹¹¹.

Первоначально схолой (*schola* от греческого - досуг, отдых, место встречи учителя с учениками) назывались полукруглые каменные скамьи или небольшие комнаты со скамейками для сидения, а позднее - небольшие помещения в принципиях римских военных лагерей, располагавшиеся, как правило, недалеко от офицерских казарм¹¹². Такие помещения выполняли роль своеобразных клубов и одновременно являлись святилищами младших офицеров. Они украшались стеной росписью, алтарями и статуями, в том числе и надписями, воздвигнутыми членами такого клуба различным божествам. Наиболее яркий пример этого - *scholae*, раскопанная в Ламбесисе на территории Нумидии, в северной части которой *in situ* стоял ряд алтарей и других монументов¹¹³. Аналогичные *scholae* эпиграфическими памятниками засвидетельствованы в Аквинке, Карнунте, Бригции, Мизене, Лугдуне, Риме, Вимиции. Археологически схолы частично или полностью исследованы в Новизиуме, Инчтатхиле, Карнунте, Ветере, Церлеоне¹¹⁴, а также, возможно, в Алене, Нове и Балаклаве¹¹⁵. Теперь, исходя из содержания надписи 250 г., наличие *scholae principalium* эпиграфически засвидетельствована и в Херсонесе. На ос-

новании содержания надписи можно уверенно говорить, что это сооружение было построено, вероятно, еще во второй половине II в., а после землетрясения второй четверти III в. было восстановлено.

К сожалению, как уже говорилось, пока нельзя более или менее уверенно связать какие либо строительные остатки, исследованные на территории цитадели, со *scholae principalium*. Но имеется ряд косвенных данных, позволяющих в предположительном плане локализовать это сооружение, а, может быть, и местонахождение принципии, в комплекс которой могла быть включена *scholae principalium*.

При раскопках средневековых терм на южной площади цитадели в 1990 г., начало функционирования которых есть основания относить к VI в. (Рис. 1, 4), в вымостке пола фригидария была обнаружена надпись 250 г. и почетный декрет в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлонида¹¹⁶. Отсутствие на месте терм строительных остатков более раннего времени с известной долей вероятности позволяет предполагать, что перед возведением терм VI в. находившиеся здесь здания II - III в. были разобраны, а камень пошел на сооружение новой постройки. Исходя из этого, можно предположить, что именно где-то на южной площади цитадели или рядом с ней во II - III в. располагалась *scholae principalium* или здание принципии со схолой¹¹⁷. Естественно, категорически настаивать на этом сейчас нельзя, так как вряд ли на территории цитадели Херсонеса имелся лагерьный форум, как

это было в классических легионных лагерях¹¹⁸. Ведь здесь дислоцировалась лишь римская вексиляция, а не легион, чем и были обусловлены особенности ее застройки. Однако концентрация указанных надписей в термах VI - VIII вв. косвенно указывает на возможность именно такого расположения схолы.

Термы. Помимо казарменных помещений и зданий, предназначавшихся для размещения командного состава херсонесской вексиляции, а также *scholae principalium*, наиболее интересным комплексом, раскопанным на территории цитадели Херсонеса, являются термы (Рис. 1, 5).

Термы были открыты в 1906 г. к востоку от башни XIX. В Отчете археологической комиссии за 1906 г. приведено нижеследующее их описание: «К юго-востоку от башни «З», в нижнем слое открыты остатки двух помещений римской бани «р». Кладка стен бани - бутовая на цемянке, оштукатурена цемянкой. В северо-

западном помещении цемяночный пол покоится на 24 кирпичных столбиках, высотой 0,44 м, сложенных на прочной красной цемянке. С северо-запада у помещения находится кирпичная арка № 3, высотой 0,48 м, с юго-востока - обрушившаяся арка № 2, обе для топок. Пол юго-восточного помещения покоился на 30 столбиках. В этом помещении обнаружены кирпичные арки №№ 4 и 5. Кирпичная арка № 1 соединяет оба помещения»¹¹⁹. В начале 70-ых годов работы в этом районе были продолжены, что позволило не только полностью открыть весь комплекс, но и проследить историю его строительства и функционирования. Впоследствии помещения терм, раскопанные К. К. Косцюшко-Валюжничем, получили порядковые номера 2, 8, 9 (Рис. 3).

Помещения 8 и 9 на два метра выступают к востоку за внешнюю стену остальных помещений терм. Все их стены, кроме западной, сложены из крупных тесаных блоков, но

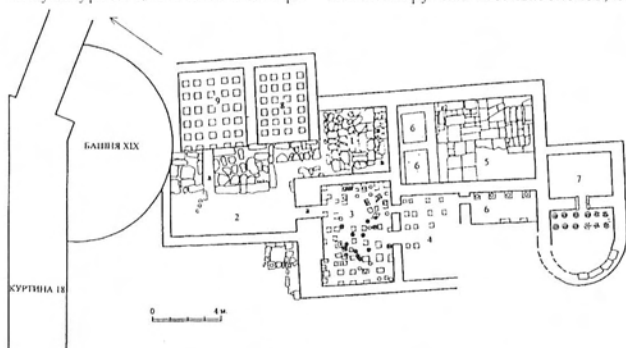

Рисунок 3.

Схематический план терм римского гарнизона на территории цитадели Херсонеса по И. А. Литвиной.

в настоящее время сохранились плохо. Их толщина 0,65 м. Отмеченные выше 30 столбиков квадратного кирпича в помещениях 9 и 24 в помещении 8, свидетельствуют в пользу вывода о том, что они могут быть атрибутированы как кальдарий (пом. 9)¹²⁰ и тепидарий (пом. 8)¹²¹. В помещении 9 зафиксировано устье печи, сделанной в западной стене на расстоянии одного метра от башни XIX.

Археологические исследования показали, что помещения 8 и 9 были пристроены с северо-востока к оборонительной стене более раннего времени (куртина 21), чем и объясняется значительная толщина стены (1,1 м), отделявшая топочное помещение (префурий)¹²² от помещений кальдария и тепидария. Эта оборонительная стена была сооружена еще в эллинистический период и представляла собой обычное для Херсонеса сооружение трехслойной двухлицевой кладки с перевязью фасадных слоев во всех рядах. При постройке терм ее внутренняя сторона не была разобрана, а использована при сооружении терм. Проход из помещения 2 с печами (префурий) в помещение 8 (тепидарий) осуществлялся через двери в южной стене.

С востока к помещению 8 примыкало помещение 1, частично раскопанное в 1906 г. Вследствие этого его восточная часть почти полностью разрушена. Где располагался вход в это помещение, установить не удалось, но, скорее всего, он был с восточной стороны. Второй дверной проем отделен от первого облицовочным торцом стены 21 куртины и вдоль ранней оборонительной стены вел в то-

почное помещений 2 (префурий).

Размеры помещения 1 - 5,3 X 4,5 м, его пол вымощен известняковыми плитами различной, иногда неправильной формы, но плотно пригнанными одна к другой¹²³. Вдоль южной и западной стен идет угловая каменная скамья длиной 3,5 м у южной стены и 2 м у западной. У порога зафиксирована ступень из тесаного блока, заглаженного и стертого по центру. Рядом лежали два блока, вероятно, от арки дверей. Справа от дверей, ведущих в помещение 8 (тепидарий), также имелась короткая каменная стена. В полу, у западной и северной стен, в вымостке сделан водосточный канал сечением 0,20 X 0,15 м с каменным дном. Плиты вымостки пола сильно потертые от длительного использования. Под этим полом была выявлена еще одна, видимо, более ранняя вымостка. Вдоль не сохранившейся южной стены был сделан сточный канал с облицованными плитами ложом 0,3 X 0,3 X 0,4 м. Он начинался в помещении 5 и был перекрыт плитами вровень с полом. Помещение 1, судя по его конструктивным особенностям и наличию скамей, вероятно, может быть определено как вестибюль или аподитерий¹²⁴ (Рис. 3).

В 1970 г. было доследовано и помещение 2, примыкавшее с юга к остаткам XIX круглой башни, где располагалось четыре печи, направленные устьями внутрь этого помещения. Но если три печи обращены к помещениям 6 и 9, то четвертая печь - в помещении 3, располагавшаяся к востоку¹²⁵. Размеры помещения с печами (префурий) - 7 X 5 м.

Как уже отмечалось, помещение 2 (префурий), а также помещения 8 (тепидарий) и 9 (кальдарий) были пристроены соответственно с внутренней и внешней стороны оборонительной стены 21 куртины, которая по кладке идентична фасадам башен XVI, XVII, XVIII, датирующимися III в. до н. э. Это позволяет с большой долей уверенности заключить, что сооружение терм и новой оборонительной стены 21 куртины, располагавшейся в это время ближе к берегу Карантинной бухты, было осуществлено одновременно (Рис. 1).

Планировка раскопанных помещений и ряд конструктивных особенностей печей позволили И.А. Антоновой и Л.А. Аркадовой (Рыжовой) сделать вывод о том, что помещения 1, 2, 8, 9 представляли собой первые на территории цитадели небольшие по площади термы, возведенные здесь римскими военными около середины II в. Одновременно со строительством этих терм площадь цитадели была увеличена, о чем свидетельствует возведение новой 21 куртины оборонительных стен. Впоследствии термы были расширены, о чем свидетельствуют помещения 3, 4, 5, 6, 7 и бассейн, расположенные к востоку от описанного комплекса банных помещений.

Помещение 3, размерами 4 X 5,6 м, располагалось к востоку от помещения 2 (префурия) и, вероятно, являлось кальдарием. Все стены, кроме северной, сложены из не крупного камня прямоугольной формы (0,25 X 0,15 м) на цементном растворе с обильной примесью толченой керамики. Их толщина 0,6 X 0,7

м. Верхний ряд кладки стен, видимо цокольный, составляли прямоугольные чисто тесаные блоки известняка размерами 1 X 0,6 X 0,2 м и 0,7 X 0,6 X 0,2 м, уложенные на бутовую кладку плашмя. Северная стена, отделявшая помещение 3 от помещения 2, по толщине превосходит все остальные и составляет 1,1 м. С внутренней стороны, у печи, на расстоянии 1,7 м она усилена выступом и имеет на этом протяжении толщину 1,35 м. Не исключено, что это было обусловлено тем, что именно здесь размещался бак с водой, а с внешней стороны стены, у выступа, был оборудован колодец.

Пол гипocausta помещения 3 был залит цементным раствором, а на нем первоначально были установлены столбики из песчаника или известняка высотой 0,3 - 0,5 и диаметром 0,25 - 0,30 м. Эти столбики имели прямоугольные плиты основания и навершия, высеченные из одного блока камня со столбиками. Нижняя плита имела размеры 0,4 X 0,4 X 0,22 м, верхняя была меньше - 0,38 X 0,35 X 0,1 м. Большая часть столбиков оплыла и разрушилась, но количество их рядов определено точно. По продольному сечению помещения 3 было установлено 8, а по поперечному - 6 рядов. Таким образом, первоначально здесь было 48 каменных столбиков, а расстояние между рядами составляло 0,25 - 0,30 м.

Вследствие действия высокой температуры со временем каменные подпорки-столбики пола были повреждены. Поэтому в гипocauste, видимо, позднее в дополнении к ним были использованы водопроводные

трубы, которые уже были в употреблении. Поскольку размеры ряда водопроводных труб были по высоте меньше каменных столбиков на них или под них подкладывались фрагменты черепицы. На некоторых из них имелись клейма V Македонского, XI Клавдиева легионов и аббревиатура VEM. Для нижних подставок использовались и каменные блоки, уложенные на раствор. В нескольких случаях водопроводные трубы были установлены на перегоревших известняковых или песчаных столбиках, а в одном месте подставкой служила мраморная база колонны¹²⁶. Трубы стояли без какой-либо системы, скучено на одних участках и разряжено на других. Всего при раскопках помещения 3 обнаружено 35 фрагментов целых желобчатых и гладкотянутых, с отверстием в боковой стенке и без отверстий, труб¹²⁷.

Помещение 4 терм, размерами 4,7 X 3,5 м, видимо, тепидарий, было смежным с помещением 3 и располагалось к востоку от него. Оно сильно разрушено средневековыми водостоками и административным зданием херсонесской фемы IX в., фундамент которого опущен до цемяночного пола помещения 4¹²⁸. При сооружении средневековых водостоков, дно которых лежало на 0,4 м выше основания тепидария, и административного здания, часть опорных столбиков гипокауста была убрана.

В стене помещения 4, смежной с помещением 3, для дымоходов на расстоянии 2, 4 и 3, 13 м от западного угла оставлены два проема. Ширина первого 0,65, а второго - 0,5 м. Пол

дымохода 1 находился на одном уровне с полом гипокауста в помещении 4. Под дымохода 2 вымощен известняковыми плитами и возвышался над полом гипокауста на 0,15 м. В слое засыпи в районе дымоходов обнаружено много золы. В гипокаусте помещения 4 было установлено пять рядов песчаных столбиков, которые в юго-западной части не сохранились. Во втором ряду, помимо столбиков, зафиксирована водопроводная труба на подставке, состоявшей из остатков песчаного столбика, слоя цемянки и одной черепицы.

Помещение 5, которое может быть определено как фригидарий¹²⁹, располагалось в восточном ряду комплекса терм и являлось смежным с помещением 4 с запада, помещением 6 - с юга и помещением 1 - с севера¹³⁰. Его размеры 7 X 5,7 м. Кладка северо-западной стены помещения нарушена при сооружении могил карантинного кладбища XIX в. Южная стена и юго-западный угол разрушены подвальной ямой средневекового дома. Восточная стена, раскопанная еще в 1906 г., сохранилась только на один, местами на два ряда кладки. В западной стене вырублен проем для средневекового водостока, а южная стена частично переложена в средневековое время.

Пол помещения 5 был вымощен размерными, плотно пригнанными одна к другой плитами. Вдоль южной и восточной стен уложены плиты, часть которых у стен округло поднималась, образуя как бы валик, предохранявший от попадания влаги в швы каменной кладки. Сток воды был осуществлен достаточно про-

сто. Канал, начинаясь в северной части вымощенного каменными плитами пола помещения 5, идет далее вдоль южной стены помещения 1 (аподитерия) и поворачивает к оборонительной стене на восток. В пределах помещений его сечение 0,3 X 0,4 м. Сверху канал перекрыт каменной вымосткой пола, а в помещении 5, у его начала, поставлены две гладко тесаные, хорошо подогнанные друг к другу плиты. Левый конец плиты поднимался на нужную высоту, увеличивая, уменьшая или закрывая отверстие для стока воды. Полы в этой части здания, между южной и северной стеной, были подняты, не давая воде проникать в помещение 1 (аподитерий).

К северной стене помещения 5 пристроены две достаточно вместительные ванны, внутри облицованные цемянкой. Ванны ориентированы вдоль северной стены помещения 5, которая отделяет его от помещения 1, и примыкают к каменной стене, отделяющей его от помещения 4. Первоначально была, видимо, построена одна ванна размерами 2 X 4,06 м по внешним обмерам. Ее западная стена состояла из пояса черепицы без бортиков и кирпича на цемяночном растворе. Восточная сторона ванны также состояла из черепицы с отбитыми бортиками и кирпича на цемяночном растворе. До разделения на две ванны дважды покрывалась цемянкой, о чем свидетельствуют два слоя раствора толщиной 1,5 см. Три слоя цемяночного покрытия сохранились только в нижней части ванны. Поперечная перегородка в ванне примыкает ко второму слою

цемяночного покрытия и облицована третьим слоем толщиной 2 см. После разделения на две ванны стала выше. В связи с этим с наружной и внутренней стороны южной стены были пристроены ступени, сделанные из черепицы и кирпича на цемяночном растворе. Наружная ступень сохранилась с внешней стороны восточной части разделенной ванны на длину 0,75 и на высоту 0,33 м. Цемяночное, тщательно заглаженное покрытие, закрывает щели между стеной ванны и ступенью, а также между ступенью и плитами каменного пола. У западной части ванны ступень сохранилась местами на высоту 0,21 м. Такая же ступень была сделана с внутренней стороны для спуска в ванну. Ширина ступени в обеих частях ванны 0,35 м, но в восточной части она была сделана из черепицы, лишенной бортиков, а в западной - из кирпича. Меньшие размеры кирпича заставили строителей сложить их, отступив от стены ванны на 6 см, и забить образовавшееся пространство цемянкой. Высота внутренней стены равнялась высоте наружной и составляла 0,33 м. (Рис. 3, 6).

После разделения ванны на две части их размеры стали такими: восточной - 1,78 X 1,4 м, а западной - 1,9 X 1,4 м. Перегородкой между ваннами служила стена, сложенная из фрагментов кровельной черепицы на цемяночном растворе. Сохранилось три ряда черепицы высотой 0,2 м, положенных на каменную кладку из небольших плоских камней. Высота каменной кладки 0,44 м, а общая с черепицей - от 0,58 до 0,66 м, ширина - 0,35 м. Вывод воды из каждой

ванны осуществлялся автономно. Первоначально, когда функционировала одна большая ванна, сток воды был устроен в восточной стене и осуществлялся в сточный канал под полом. Сливное отверстие располагалось у дна ванны, на расстоянии 0,55 м от северной стены. Диаметр отверстия 0,1 м. Следы многоцветных подмазок прослежены на стенах и полу ванны у отверстия. Слив воды из западной ванны, сделанный в ее северной стене, проходит через толщу стены между помещениями 1 и 5 и выходит в канал сечением 0,15 X 0,15 м, который идет сначала вдоль западной, а затем вдоль северной стен помещения 1 к сточному каналу. Видимо, одновременно этот канал служил для отвода воды и из помещения аподитерия. Стенки и дно канала образовались за счет того, что плиты второй вымостки пола в помещении 1 положили, отступив от западной и северной стен помещения на 0,2 м. Дном канала, таким образом, служили плиты первой вымостки, а боковыми стенками - каменные стены помещения и боковая грань плит второй поверхности вымостки. Это обстоятельство заставляет думать, что перегородка ванны и настил второго яруса пола в помещении 1 были сооружены одновременно. Плиты верхней вымостки примыкали к южной стене помещения вплотную.

К комплексу терм относится и помещение 6, которое оказалось сильно разрушено административным зданием фемы IX в. Оно имело смежную стену с помещением 4. На полу гипocaustа были зафиксированы подпорные столбики, аналогичные тем, ко-

торые открыты в помещениях 3 и 4. Судя по расстоянию между столбиками, первоначально их было три ряда. Два из них уничтожены стеной средневекового дома. Между столбиками прослежены следы кирпично-глиняных арок. Помещение 6 было под полом соединено дымоходом с помещением 4, проем которого был шириной 0,85 м (Рис. 3)¹³¹.

Наибольший интерес представляет западная сторона помещения 6, перекрытая стеной административного здания. Стоящие здесь на расстоянии 0,5 - 0,6 м столбики гипocaustа имеют другой характер. Это два массивных квадратных в сечении столба 0,3 X 0,3 и 0,5 X 0,5 м, которые несли на себе арки, сделанные из кирпичей и кровельной черепицы. Все пространство между столбами было заполнено сажей.

К юго-востоку от помещения 6 находился бассейн с полукруглой экседрой в южной части для холодной воды, который замыкал комплекс терм (Рис. 3,7). Ширина бассейна 4 м, длина по центральной оси 8,5 м. В восточной части бассейна поперечной стеной была выделена индивидуальная ванна размерами 4 X 25 м. Спуск воды осуществлялся в центральной части бассейна в канал, проходивший под его полом. Пол бассейна в экседре, который, видимо, был обмазан слоем цемьянки, не сохранился, так как ванна в более позднее время долго использовалась как подвал или хранилище¹³².

Анализ строительных остатков на территории цитадели Херсонеса, которые можно в настоящее время отождествлять с термами, свидетель-

ствуют, что это был сравнительно большой комплекс помещений, расположенных анфиладно в два ряда по принципу повышения температуры, который обслуживал римских военнослужащих, дислоцировавшейся здесь вексиляции. Ранние термы были небольшими и включали в себя помещения 2, 8, 9, а затем были расширены за счет помещений 1, 3, 4, 5, 6, 7 и бассейна. Судя по археологическому материалу, обнаруженному в процессе раскопок, ранние термы были построены не ранее середины II в., а затем неоднократно ремонтировались и расширялись. Во второй четверти III в., как и другие здания на территории цитадели, в результате землетрясения они были разрушены, о чем свидетельствует нумизматический материал, обнаруженный на полах помещений, и завал черепицы от кровли в помещении 1, а затем снова отстроены, причем уровень полов второго строительного периода был поднят выше на 0,7 м.

Окончательно описанные термы, судя по археологическому материалу, прекратили существование в середине - конце III в.¹³³ После этого помещение 5 и ванна были превращены в небольшие термы. Индивидуальная ванна была перестроена в префурий, а ее западная стена пробита по середине и в проеме устроена печь. Новое дно ванны были поднято, а на старое дно бассейна в средней части были поставлены в 2-3 ряда столбики гипокауста. Поверх гипокауста был уложен пол из положенных плашмя керамид сверху залитых слоем цемянки толщиной 1,5 - 2 см. Раствор заглажен и образует ров-

ную поверхность. И. А. Антонова считает, что эти малые термы функционировали на территории цитадели до VI в.,¹³⁴ когда началось строительство новых терм на южной площади, которые функционировали здесь на протяжении VI - VIII вв.¹³⁵

Термы являлись непременным атрибутом жизни населения Римской империи. Они археологически зафиксированы как в городах, так и на территории разного типа римских военных лагерей и укреплений¹³⁶. Судя по аналогиям, термы, раскопанные на территории цитадели Херсонеса, относятся к типу небольших по размерам банных комплексов, где помещения, как правило, располагались анфиладно¹³⁷. В таких термах одновременно могло находиться не более двух десятков человек.

Термы, аналогичные херсонесским по размерам и устройству, обычно функционировали на территории сравнительно небольших римских лагерей¹³⁸. Но, если исходить из площади херсонесской цитадели, с одной стороны, и размеров помещений терм, с другой, - можно достаточно уверенно заключить, что они, видимо, предназначались не только для римских военнослужащих, расквартированных в Херсонесе, но и для солдат, которые несли службу в окрестностях этого центра. Только в таком случае возведение таких терм на территории сравнительно небольшой цитадели Херсонеса было оправдано. Перестройка терм и их расширение во второй половине II в. косвенно свидетельствует о некотором количественном увеличении херсонесской вексиляции в сравнении с

середины II в., когда римский гарнизон только появляется в Херсонесе.

Как свидетельствуют стратиграфические наблюдения И.А. Антоновой и археологический материал, обнаруженный в ходе раскопок терм, они были построены на территории цитадели не ранее середины II в. и функционировали до середины - второй половины III в. Затем помещения терм были разобраны, а помещение 5 и бассейн были перестроены в небольшие термы, которые использовались до VI в. Таким образом, существование больших терм хронологически совпадает с периодом, когда на территории херсонесской цитадели дислоцировался римский гарнизон. При этом следует подчеркнуть, что прекращение функционирования терм хорошо согласуется с данными о времени вывода римских войск из Херсонеса и его окрестностей.

Круглое сооружение к востоку от калитки в 18 куртине. В ходе раскопок на территории римской цитадели Херсонеса в 1987 г. на незастроенном пространстве к востоку от калитки в 18 куртине и в 4 м к юго-западу от терм было исследовано круглое в плане сооружение диаметром 3,8 м., углубленное в грунт (Рис. 1, 6). По его краям имелась каменная обкладка из некрупных камней толщиной 0,2 м, достигавшая местами 0,3 - 0,4 м. На ее восточной стороне сохранился один ряд кладки, а в других местах - в два ряда камней. Камни кладки хорошо подогнаны друг к другу и промазаны глиной. С южной стороны сооружения зафиксирована положенная плашмя прямоугольная плита, закопченная и сглаженная

в центре, размерами 1,1 X 0,5 X 0,2 м, которая с двух сторон была укреплена прямоугольными известняковыми блоками, поставленными на ребро. Блок, расположенный с запада, имел размеры 0,3 X 0,4 X 0,2 м, а с востока - 0,3 X 0,4 X 0,27 м. Описанная конструкция была, видимо, порогом входа, который вел в центр круглого углубления в грунте. Сферическое углубление в пределах круглой каменной обкладки, кроме полого спуска к центру, было обмазано белой глиной со следами многократного действия огня и заполнено золой, рыхлым сыпучим грунтом с некрупным камнем, а также фрагментами керамики первых веков, в основном II - III вв., и позднего средневековья¹³⁹.

И.А. Антонова, руководившая раскопками, в отчете указала, что, по всей видимости, описанное сооружение представляло собой алтарь, и привела ему аналогии из Фракии, попутно отметив, что, в отличие от херсонесского, там такие алтари были не круглыми, а прямоугольными в плане¹⁴⁰. Впоследствии такая интерпретация раскопанного сооружения была повторена в печати¹⁴¹, хотя специально вопрос о назначении рассматриваемой постройки И.А. Антоновой не рассматривался.

Но отсутствие алтарей подобной конфигурации на территории римских военных лагерей¹⁴² и аналогии, известные по раскопкам других античных центров Северного Причерноморья¹⁴³, позволяют сейчас несколько иначе атрибутировать эту постройку. По своей форме она чрезвычайно близка горнам для обжига керамики, исследованным в Ольвии,

хотя и несколько больше по размерам¹⁴⁴. Исходя из этого, так называемый херсонесский алтарь может быть интерпретирован как горн для обжига керамической продукции и отнесен к типу аналогичных, видимо, двухъярусных сооружений, круглых в плане, с одним, несохранившимся подпорным столбом. В таком случае вход в сооружение с порогом может рассматриваться в качестве элемента загрузочного устройства для топлива, которое, как, например, в Ольвии, также было укреплено поставленными на ребро блоками¹⁴⁵. Исходя из обнаруженного при раскопках керамического материала и аналогий¹⁴⁶, горн, открытый на территории цитадели Херсонеса, датируется II - III вв. Именно в это время римские военнослужащие, дислоцировавшиеся в Херсонесе, наладили производство кровельной черепицы и кирпича, на которые ставились латинские клейма с аббревиатурами воинских подразделений¹⁴⁷.

Не исключено, что этот горн был построен в середине II в. и функционировал вплоть до вывода римского гарнизона из Херсонесе, хотя настаивать на этом сейчас ввиду отсутствия хорошо датирующегося материала трудно. С другой стороны, наличие горна для обжига керамических материалов не вяжется с внутренней застройкой юго-западной части цитадели, где располагались казарменные помещения, предназначенные для жилья солдат, и термы. Но если вспомнить, что во второй четверти III в. постройки здесь были разрушены в результате, видимо, мощного землетрясения, а через

непродолжительное время начали восстанавливаться, о чем, помимо стратиграфических наблюдений, свидетельствует и надпись Марка Ратина Сатурнина 250 г. о ремонте схолы принципалов (Рис. 2), все становится на свои места.

Значительный объем восстановительных работ, которые проводились римскими военнослужащими на территории цитадели, потребовал изготовления большого количества керамических строительных материалов, в частности кровельной черепицы и кирпича. Именно этим, как представляется, было обусловлено возведение на незастроенном ранее пространстве, к востоку от калитки в 18 куртине, горна для обжига керамических строительных материалов. Значительный диаметр херсонесского горна, который почти в два раза больше аналогичных сооружений II - III в., раскопанных в Ольвии, вероятно, свидетельствует о том, что он предназначался для обжига именно керамических строительных материалов, и в первую очередь кровельной черепицы. Вполне возможно, что после проведения комплекса экстраординарных восстановительных работ или несколько позже горн был разобран, а территория, где он находился, сnivelирована. Этим и объясняется отсутствие следов подпорного столба в центре, а также засыпь внутреннего пространства горна рыхлым грунтом с небольшими камнями и также фрагментами керамики. Следовательно, остатки горна для обжига керамических строительных материалов на территории цитадели Херсонеса, скорее всего, могут быть пред-

положительно отнесены к промежутку времени между 237 и 250 гг., когда здесь была восстановлена схола принципалов. Ведь прежде, чем восстанавливать схолу, необходимо было в основном завершить возведение казарменных построек и других разрушенных землетрясением зданий на территории цитадели.

Помимо описанных строительных комплексов в районе южной площади цитадели открыты остатки нескольких помещений первых веков н.э., которые могут быть связаны со строительной деятельностью римского гарнизона Херсонеса. Это прямоугольное помещение XVII, раскопки которого начал еще К.Э. Гриневиц, а завершила И.А. Антонова, которая полагала, что оно может быть интерпретировано в качестве дома командира римского гарнизона¹⁴⁸. Но такое заключение пока не может быть подтверждено какими-либо материалами и может рассматриваться лишь в качестве смелой гипотезы.

На южной площади цитадели раскопаны и другие маловыразительные строительные остатки, которые датируются первыми веками н.э. (Рис. 1, 7)¹⁴⁹. Но, пожалуй, наиболее интересные результаты были получены в ходе раскопок 1997 г. в восточной части южной площади, где были исследованы помещения (I, I а, II, II а, III), датирующиеся первыми веками н.э.¹⁵⁰ В трех из них (I, I а, II) в слое первых веков н. э. были зафиксированы остатки железных шлаков, что позволяет предполагать наличие здесь нескольких двухкамерных помещений, в которых сила-

ми солдатами римского гарнизона велась обработка металла¹⁵¹. Однако фрагментарный характер раскопанных комплексов не позволяет детализировать характер ремесленного производства, которое велось в указанных комплексах во II - III вв.

Итак, на основании результатов раскопок так называемой римской цитадели Херсонеса подтверждается вывод о том, что на протяжении середины II - третьей четверти III вв. Херсонес являлся крупной базой римского военного присутствия в Таврике. Строительные остатки, открытые на территории так называемой цитадели, свидетельствуют, что здесь, как и в других районах огромного римского мира, римские военнoслужашие вели широкомасштабное строительство. Но ее застройка имела свою специфику. Поэтому этот укрепленный район нельзя рассматривать в качестве типично римского военного лагеря. Это был один из городских районов, где традиционно размещались вооруженные силы города, но во второй половине II - первой половине III вв., когда здесь располагался римский гарнизон, в его застройку были внесены существенные изменения. Причем, элементы этой застройки находят наиболее близкие аналогии на территории римский военных лагерей и крепостей того времени.

После последних археологических открытий на территории Балаклавы можно уверенно констатировать, что Херсонес уже нельзя рассматривать в качестве основной базы дислокации римских войск в этом районе¹⁵², что хорошо согласо-

ется с результатами раскопок на территории так называемой римской цитадели. Непосредственно в городе, на территории так называемой цитадели, располагался сравнительно ограниченный воинский контингент под командованием центуриона, корабли римского флота и находилась штаб-квартира препози-

та в ранге военного трибуна, на которого были возложены функции командования всеми римскими силами в Таврике¹⁵³. Основные же вооруженные силы римлян дислоцировались в ближайших окрестностях Херсонеса и на мысе Ай-Тодор, который отождествляется с римской крепостью Харакс.

Примечания

1. Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1906 г. - СПб., 1909. - С. 58 - 64.
2. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе в 1897 г. // ОАК за 1897 г. - СПб., 1900. - С. с. 91 - 95; Он же. Извлечение из отчета о раскопках, проведенных в Херсонесе в 1898 г. // ОАК за 1898 г. - СПб., 1901. - С. 99 - 106; Он же. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1900 г. - СПб., 1902. - С. 13 - 16; Он же. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 г. - СПб., 1908. - С. 43 - 47; Он же. Раскопки в Херсонесе. 1909. - С. 58 - 64.
3. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. - Ч. II // Хсб. - 1927. - Вып. 2. - С. 75.
4. Лепер Р. Х. Дневник раскопок башни Зенона // Хсб. - 1927. - Вып. 2. - С. 99 - 110.
5. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. - С. 7 - 97.
6. Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИАК. - 1907. - Вып. 21.
7. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. - С. 112 - 121; Он же. Отчет о херсонесских раскопках 1926 г. в связи с раскопками 1907 - 1910 гг. // Хсб. - 1927. - Вып. 2. - С. 259 - 293.
8. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. // Крым. - 1929. - № 1 (9). - С. 14 - 35.
9. Гайдукевич В. Ф. Мнимая базилика Лаврентия Леонтия // МИА. - 1953. - № 34. - С. 306, рис. 7; Он же. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. - М.-Л., 1955. - Т. 1. - С. 93, прим. 1.
10. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического.
11. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. Раскопки в цитадели // НА ИА НАНУ. - Дело № 1960/17а. - С. 1 - 12; Она же. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. (цитадель) // НА ИА НАНУ. - Дело № 1962/63. - С. 1 - 19; Она же. Раскопки в цитадели в 1958 - 1959 гг. // СХМ. - 1963. - Вып. 3. - С. 45 - 54.
12. Борисова В. В. Раскопки римской цитадели Херсонеса // АО за 1969 г. - М., 1970. - С. 251 - 252.
13. В работах на территории цитадели, которые велись под общим руководством И. А. Антоновой, принимали участие Л.А. Аркадова (Рыжова) (1970 - 1971 гг.), А. И. Романчук (1983г.), С. Н. Сухинина (1984 - 2000 гг.) и С. Б. Сорочан (1996 - 2000 гг.).
14. Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона // Хсб. - 1997. - 8. - С. 10; Она же. 15 лет работ в цитадели Херсонеса // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тезисы докладов. - Севастополь, 1997. - С. 7 - 9.
15. Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны Херсонеса. Проблемы датировки // Хсб. - 1996. - Вып. VII. - С. 118 - 121.
16. Антонова И. А., Бабинов Ю. А. Исследование 20-ой куртины херсонесских оборонительных стен // АО за 1969 г. - М., 1970. - С. 248 - 249; Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 120.

17. Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 117.
18. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. - С. 33 - 97; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. - Л., 1948. - С. 45 - 52; Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны... - С. 118 - 121.
19. Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (Башня Зенона) // СХМ. - 1969. - Вып. 4. - С. 11; Антонова И. А., Бабинов Ю. А. Указ. соч. - С. 248; Антонова И. А. Отчет об исследованиях 20 куртины и ворот Херсонеса // НА НЗХТ. - Дело № 1972. - С. 28, рис. 46; Антонова И. А., Сухинина С. Н. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1990 г. // НА НЗХТ. - Дело № 2981. - С. 36 - 45; Сорочан С. Б. Отчет о раскопках в юго-восточном районе Херсонеса на участке «цитадель» южная площадь в 1997 г. // НА НЗХТ. - Дело № 3352/1 - II. - С. 1, 14.
20. Антонова И. А., Бабинов Ю. А. Указ. соч. - С. 248 - 249; Соломоник Э. И., Антонова И. А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. - № 1. - С. 94 - 105.
21. Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 114.
22. Там же. - С. 117.
23. Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму 1994 г. - Симферополь, 1997. - С. 19.
24. Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 116 - 117.
25. Там же. - С. 117.
26. Антонова И. А. Административные здания... - С. 19 - 20.
27. Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонеса. 1997. - С. 19.
28. Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 121.
29. Стржелецкий С. Ф. Указ. соч. - С. 7 - 29.
30. Антонова И. А., Бабинов Ю. А., Указ. соч. - С. 248 - 249; Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 119 - 120.
31. Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонес. 1997. - С. 19.
32. Там же. - С. 19 - 20.
33. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. - С. 27.
34. Там же. - С. 19 - 21.
35. Косюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе. 1902. - С. 16 - 20; Он же.. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом // ИАК. - 1902. - Вып. 2. - С. 18 - 22.
36. Чертеж 295 // Архив НЗХТ.
37. Сорочан С. Б. Указ. соч. - С. 14.
38. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. в связи с раскопками 1907 - 1910 гг. - С. 114 - 132.
39. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1994 г. // НА НЗХТ. - Дело № 3356. - С. 26.
40. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1994 г. - С. 26 - 27; Она же. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1996 г. // НА НЗХТ. - Дело № 3359/1 - II. - С. 5, 14, 18 - 19; Сорочан С. Б. Указ. соч. - С. 14.
41. Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958 - 1959 гг. - С. 48, прим. 2.
42. Антонова И. А. Административные здания... - С. 14 - 18. Подробно этот вопрос рассмотрен авторами в специальной статье, которая находится в печати.
43. Антонова И. А. Отчет о раскопках терм в цитадели Херсонеса в 1970 - 1971 гг. // НА ИА НАНУ. - Дело № 104 а. - С. 75, 78; Зубарь В. М., Антонова И. А. Об интерпретации и датировке клейм с аббревиатурой VEM I из Херсонеса // ВДИ. - 1991. - № 2. - С. 80, 87.
44. Антонова И. А. Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму 1993. - Симферополь, 1994. - С. 25 - 33; Она же. Административные здания ... - С. 10 - 14; Она же. Раскопки цитадели Херсонеса. 1997. - С. 19 - 21.
45. Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Die Schola Principalium in Chersonesos // Il Mar Nero. - 1995/1996. - II. - S. 129 - 143; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Schola principalium в Херсонесе // НЭ. - 1999. - Т. XVI. - С. 77 - 78.
46. Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 76.

47. Антонова И. А., Никонов А. А. Следы сейсмических воздействий на оборонительных сооружениях Херсонеса // Проблемы сейсмоопасности Крыма. - Сборник материалов конференции. - Севастополь, 1995. - С. 36.
48. Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонеса. 1994. - С. 28.
49. IOSPE, 12. № 439.
50. Guidoboni Ed. E., Comastri A., Traina G. Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean area up to the 10th Century. - Roma, 1994. - P. 240-241, № 123.
51. Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. - 1998. - № 1. - С. 243.
52. Зубарь В. М., Антонова И. А. Новые данные о римском гарнизоне Херсонеса в первой половине III в. // ВДИ. - 2000. - № 1. - С. 68-69.
53. См.: Антонова И. А. 15 лет работ в цитадели Херсонеса Антонова. - С. 8-9; Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонеса. 1997. - С. 19-24.
54. К сожалению, кофина И. А. Антоновой не позволила ей закончить обработку массового археологического материала из раскопок. Поэтому в настоящей статье, законченной еще при жизни И. А. Антоновой, пока дается лишь характеристика строительных комплексов, исследованных на территории так называемой цитадели Херсонеса.
55. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. - С. 19; Гайдукевич В. Ф. История античных городов... - С. 306, рис. 7.
56. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. - С. 20, 27.
57. Там же. - С. 28-30.
58. Там же. - С. 23.
59. Там же. - С. 23, 29.
60. См.: Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958-1959 гг. - С. 45-54.
61. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. - С. 3-7; Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 4, 11-12, 37.
62. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 1.
63. Там же. - С. 4.
64. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. - С. 5; Она же. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 18; Она же. Строительные керамические материалы. Херсонес // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. - САИ. - М., 1966. - Вып. - П1. - 20. - С. 16-17.
65. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г. // НА ИА НАНУ. - Дело № 1991/95. - С. 27-31.
66. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г. - С. 27-33; Она же. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса // НА ИА НАНУ. - Дело № 1992/117. - С. 14-15.
67. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 7, 13; Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г. - С. 27-33.
68. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. - С. 9.
69. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 14.
70. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. - К., 1994. - С. 89, рис. 32, 2; С. 96-97, рис. 43, 2.
71. Гайдукевич В. Ф. История античных городов... - С. 306, рис. 7; Кузьмина А. Г. К вопросу о римской оккупации Херсонеса Таврического // Некоторые вопросы всеобщей истории. - Тула, 1972. - С. 113.
72. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 13.
73. Там же. - С. 18.
74. Там же. - С. 2-17.
75. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. - С. 3; Она же. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 1.
76. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 8-9; Она же. Строительные керамические материалы. Херсонес. - С. 16-17.

77. Бараки, предназначавшиеся для жилья римский военнослужащих, в классических римских лагерях обычно состояли из семи - четырнадцати пар комнат (contubernium) и предназначались для размещения солдат центурии. Центурион, который командовал этой тактической единицей, как правило, жил в более просторных помещениях, располагавшихся на одном конце постройки. В одном contubernium размещалось от шести до восьми человек. Они делились на два помещения. Меньшее, своеобразная прихожая, предназначалась для хранения вооружения и снаряжения. А второе, большее, было приспособлено непосредственно для жилья. Эти помещения имели очаг, использовавшийся для обогрева и приготовления пищи. Подр. см.: Bersu G. Die spatromische Befestigung «Burgle» bei Gundremmingen. - Munchen, 1964. - S. 34-36, Abb. 2; Petrikovits H. v. Die Innenbauten romischer Legionslager wahrend der Prinzipatszeit // Abhandlungen der Rheinisch - Westfalischen Akademie der Wissenschaften. - 1975. - Bd. 56. - 1975. S. 35-43; Mackensen M. Fruhkaiserzeitliche Kleinkastelle bei Nersingen und Burlafingen an der oberen Donau. - Munchen, 1987. - S. 41-44, Abb. 15, 16; Johnson A. Romische Kastelle. - Mainz am Rhein, 1990. - S. 188-197; Зубарь В. М. Херсонес Таврический... - С. 46.
78. Johnson A. Op. cit. - S. 190; Breeze D. J. The garrisoning of Roman Fortlets // Breeze D. J., Dobson B. Roman Officers and Frontiers. - Stuttgart, 1993. - P. 505.
79. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 45-50.
80. Зубарь В. М. Херсонес Таврический ... - С. 58.
81. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 45-48.
82. Junkelmann M. Die Legionen des Augustus. - Mainz am Rhein, 1991. - S. 108-110.
83. Domaszewski A. Die Rangordnung des romischen Heeres. - Wien, Koln, 1967. - S. 1-80; Dobson B. Einfuhrung // Domaszewski A. Die Rangordnung des romischen Heeres. - Koln, 1967. - S. VI-XX; Breeze D. J. The Organization of the Career Structure of the Immunes and Principales of the Roman Army // Bonner Jahrbucher. - 1974. - Bd. 174; Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 45-48; Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S. 131-132; Vinogradov Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 74.
84. IOSPE, 12, № 551; Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. - М., 1983. - № 31.
85. IOSPE, 12, № 571; Соломоник Э. И. Латинские надписи... - № 36.
86. IOSPE, 12, № 562; Соломоник Э. И. Латинские надписи... - № 13.
87. IOSPE, 12, № 675; Соломоник Э. И. Латинские надписи ... - № 10, 49, 50.
88. Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S. 129-143; Vinogradov Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 72-80.
89. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 59-61; Bild 9.
90. Ср.: Зубарь В. М., Сарновский Т., Савеля О. Я. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. - 1997. - № 4. - С. 80-83; Они же. Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. - 1999. - № 2. - С. 214-217; Савеля О. Я., Сарновский Т. Римский опорный пункт у Балаклавы в Юго-Западном Крыму (по результатам раскопок 1996-1997 гг.) // Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докладов. - Харьков, 1999. - С. 44-45.
91. Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958-1959 гг. - Рис. 1, а.
92. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. - 1951. - Т. 16. - Табл. 37, 4; Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958-1959 гг. - С. 48.
93. Зограф А. Н. Указ. соч. - Табл. 37, 6; Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958-1959 гг. - С. 50.
94. Борисова В. В. Херсонесское надгробие, поставленное вскормленником // ВДИ. - 1962. - № 2. - С. 109.
95. Борисова В. В. Черепица с клеймами римских легионов // СХМ. - 1961. - Вып. 2. - С. 39-45.
96. Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958-1959 гг. - С. 50-52.
97. Там же. - С. 54.

98. Ср.: Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 45-50; Johnson A. Op. cit. - S. 188-198.
99. IOSPE, 12, № 417; Соломоник Э. И. Латинские надписи... - № 6, 9; Спейдел М. Капитаны и центурионы в Херсонесе // ВДИ. - 1988. - № 3. - С. 119-123; Зубарь В. М. Херсонес Таврический... - С. 55.
100. Зубарь В. М. Херсонес Таврический... - С. 59.
101. Антонова И. А. Административные здания... - С. 10-13.
102. Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S. 129-143; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М. Указ. соч. - С. 72-81.
103. Антонова И. А. Административные здания... - С. 13-14.
104. Fellmann R. Principia-Stabsgebäude // Limesmuseum Aalen. - 1983. - Heft 31. - S. 15; ср.: Polib., 6, 26-34.
105. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 67-68; Fellmann R. Op. cit. - S. 15-16; Freeman B. W. Recent work on a Roman Fort in Souch Jordan // Akten des 14. Internationalen Limeskongresses 1986 in Carnuntum - Wien, 1990. - Fig. 1; Johnson A. Op. cit. - S. 123-162.
106. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 67-68.
107. Ibid. - S. 64-67.
108. Ibid. - S. 132-136.
109. Ср.: Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 45-50, 64-67; Bild 11, 12; Freeman B. W. Op. cit. - P. 191, fig. 2.
110. Зубарь В. М., Сарниовський Т., Савеля О. Я. Нові латинські написи... - С. 56-57; Зубарь В. М. Северный Поинт и Римская империя. - Киев, 1998. - С. 96-97.
111. Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S. 129-141; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 71-80.
112. Domaszewski A. Die Religion des romischen Heeres // Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. - 1895. - 14. - S. 68-95; Curle Ji. A Roman Frontier Post and it's People // The Fort of Newstead in the Parish of Melrose. - Glasgow, 1911. - P. 53; Hopkins C., Rowell H. T. The Praetorium // The Excavations at Dura-Europos. - Preliminary Report of Fifth Season of Work. - New-Haven, 1934. - P. 208-209; Ruggiero, 1961, col. 367-369; Frank R. J. Scholae Palatine. The Palace Guards of the Later Roman Empire // Papers and Monographs of the American Academy in Rome. - 1969. - Vol. 13. - P. 13-14.
113. СП. VIII. 2554; Domaszewski A. Die Religion des romischen Heeres. - S. 85.
114. Domaszewski A. Die Religion des romischen Heeres. - S. 80-90; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 75, прим. 18-19.
115. Fellmann R. Op. cit. - S. 77, Abb. 2; Sarnowski T, Ladamirski A. Novae - Western Sector, 1991 // Archeologia. - 1994. - 44. - P. 81; Крижицкий С. Д., Зубарь В. М. До питання про реконструкцію храму Юпітера Доліхена на території сучасної Балаклави // Археологія. - 2000. - № 1. - С. 119-130.
116. Антонова И. А. Отчет о раскопках. Цитадель Херсонеса // НА ИА НАНУ. - Дело № 1990/57. - С. 26-29, рис. 36; Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. - 1995. - № 4. - С. 58-86; Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S. 129; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 72.
117. Ср.: Антонова И. А., Яйленко В. П. Указ. соч. - С. 58.
118. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 68-75.
119. Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе. 1909. С. 63; Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. - С. 43.
120. Горячее помещение терм. См.: Weber M. Antike Badekultur. - Munchen, 1996. - S. 56-59.
121. Теплое помещение терм. См.: Weber M. Op. cit. - S. 56.
122. Помещение, где расположены печи.
123. Антонова И. А., Аркадова Л. А. Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе // АО за 1970. - М., 1971. - С. 270.
124. Помещение для снятия одежды. См.: Weber M. Op. cit. - S. 55.

125. Антонова И. А., Аркадова Л. А. Указ. соч. - С. 270.
126. Ср. Gronke E. Das romische Alenkastell Biricianae in Weissenburg I. Baz. - Mainz am Rhein, 1997. - Taf. 15 - 16.
127. Ср.: Борисова В. В. Строительные керамические материалы. Херсонес. - С. 49.
128. Подр. см.: Антонова И. А. Административные здания ... - С. 14 - 18.
129. Помещение для холодного купания. См.: Weber M. Op. cit. - S.55 - 56.
130. Антонова И. А., Аркадова Л. А. Указ. соч. - С. 270.
131. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1986 // НА ИА НАНУ. - Дело № 1986/76. - С. 39 - 43.
132. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1986 г. - С. 43 - 45; Она же. Отчет о раскопках. Цитадель Херсонеса // НА ИА НАНУ. - Дело № 1990/57. - С. 45 - 47.
133. Антонова И. А. Отчет о раскопках. Цитадель Херсонеса. - С. 45 - 47.
134. Там же. - С. 45 - 47.
135. Подр. см.: Антонова И. А. Отчет о раскопках. Цитадель Херсонеса. - С. 1 - 45; Она же. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г. - С. 3 - 20, 34; Она же. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса. Херсонеса // НА ИА НАНУ. - Дело № 1992/117. - С. 14.
136. Brodner E. Die romischen Thermen und das antike Badewesen. Darmstadt, 1983. - S. 163 - 217.
137. Ср.: Weber M. Op. cit. - S. 68 - 71.
138. Ср.: Baatz D. Der romische Limes. Archeologische Ausfluge zwischen Rhein und Donau. - Berlin, 1975. - S.30 - 32, Abb. 13 - 14; Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 102 - 104; Bild 28; Brodner E. Op. cit. - S. 183 - 186; Johnson A. Op. cit. - S. 213 - 214; Friesinger H., Krinzinger F. Der romische Limes in Osterreich. - Wien, 1997. - S. 48, Abb. 17.
139. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1987 г. // НА ИА НАНУ. - Дело № 1987/69. - С. 18 - 21, рис. 26 - 27.
140. Там же. - С. 22.
141. Антонова И. А. 15 лет работ в цитадели Херсонеса. - С. 8.
142. См: Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 75 - 78, Авт. 15; Johnson A. Op. cit.
143. Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигальные печи // ИГАНМК. - 1934. - Вып. 80. - С. 71; Ветштейн Р. I. Керамічні випалювальні печі Ольвії перших ст. н. е. / АПУРСР. - 1958. - Т. 7. - С. 73; Козуб Ю. И. Ольвия // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. - САИ. - М., 1966. - Вып. Г 1 - 20. - С. 11, табл. 1, 3 - 4.
144. Крапивина В.В. Материальная культура Ольвии I - IV вв. - К., 1993. - С. 74 - 75.
145. Ср.: Крапивина В.В. Указ. соч. - С. 68 - 75. Еще несколько аналогичных горнов первых веков н. э. для обжига керамических материалов, по сообщению В. В. Крапивинной, были раскопаны в Ольвии в последние годы, но пока не опубликованы.
146. См.: Крапивина В.В. Указ. соч. - С. 74 - 75.
147. Борисова В.В. Черепица с клеймами римских легионов. - С. 39 - 45; Сапрыкин С.Ю. Черепица с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса // КСИА. - 1981. - Вып. 168. - С. 58 - 62; Зубарь В.М., Антонова И.А., Об интерпретации и датировке клейм ... - С. 80 - 88; Зубарь В.М. Херсонес Таврический... - С. 78 - 81, 98.
148. Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1994 г. - С. 22, 27.
149. Антонова И.А. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1996 г. - С. 9 - 10.
150. Сорочан С.Б. Указ. соч. - С. 1.
151. Там же. - С. 5 - 9, 14.
152. Савеля О.Я., Сарновский Т. Две латинских надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. - 1999. - № 1. - С. 44.
153. Зубарь В.М. Херсонес Таврический ... - С. 44 - 59; Он же. О римской вексилляции Херсонеса в середине - второй половине II в. н. э. // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. - Запоріжжя, 1999. - 7. - С. 93 - 100.